

АМИТА СКАЙ

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
ДО
РАССВЕТА II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Амита Скай

Девять жизней до рассвета - 2

«Автор»

2026

Амита Скай

Девять жизней до рассвета - 2 / Амита Скай — «Автор», 2026

В лесу глухом, где только волчий вой, Я заперта меж небом и землей. На ветках вороньё — не сводит глаз, Я проживаю жизнь в последний раз. Опять флешбэк: я совершила грех, И за спиной звучит твой злобный смех. Моя ошибка — наш с тобой финал, Ты из-за этой боли зверем стал. Дорога, скорость, свет твоих фар, Внутри — обида и пожар. Ты гнал меня до самого конца, Не чувствуя ни боли, ни лица. Я умерла, а ты не смог простить, Решил мой клан под корень истребить. Теперь ты мстишь, сжигая всё дотла, За то, что я из жизни той ушла.

© Амита Скай, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Девять жизней до рассвета - 2

Глава 1

Дернув дверь на себя, вытянула ее со скрипом из стены сантиметров на десять. Еще раз дернула, и еще, после этого получилась достаточно широкая щель, чтобы я могла через нее зайти в дом, но стоило засунуть нос в темное помещение, как оттуда потянуло могильной сыростью. Смерд был такой силы, что, отпрянув в сторону, я почти сразу навалилась плечом на дверь, чтобы снова ее закрыть.

Такое ощущение, что там не дом внутри, а колодец черный. Нечто темное и сосущее жизнь скрывалось в его глубине. Что-то, отчего хотелось убежать, и во что не хотелось смотреть. Ощущение кроличьей норы не покидало меня с того дня, как я очнулась в своей избе. Не помню, как я добралась от озера до дома и улеглась спать.

Сны теперь стали муторным кошмаром с одним и тем же сценарием: лес и избы. То рядом стоят, то на расстоянии друг от друга, все похожи друг на друга, как близнецы, но есть и различия. Где-то есть наличники на окнах, а где-то нет. Где-то окон больше, а где-то одно и то крошечное под потолком, а еще была маленькая изба. Словно игрушечная, стояла среди этих всех и едва доставала мне до плеча.

Увидев ее впервые, мне стало смешно, от того, какой милой она казалась, но потом заглядывать в нее, как и в остальные расхотелось, хотя я знала, все они ждут момента, когда я открою их двери и зайду, но стоило мне на это решиться, как по нервам бил запах сырой могильной земли.

С трудом разлепив глаза, я уставилась на древесный рисунок темного бревна. Тоненький пруттик корня, пробравшийся сквозь щели между бревен, дотянулся до моего носа и щекотал его кончик. Захотелось поймать его и выдрать из стены. Как меня это все бесит! Дерево это упрямое, с его корнями мерзкими и моя жизнь. Все эти сны. Волки, печь, печати.

Перебирая в голове, все, что могло меня бесить, я не могла согласиться с тем, что что-то могло вызвать во мне столь сильную ярость. Я с ней засыпала и просыпалась и ничего не могла сделать, потому что рядом со мной, кроме волков никого не было, и те уже от меня шарахались. Я самой себе казалась злобной ведьмой, но ничего не могла с собой поделаться. Когда воспоминания Влады или мои...

Черт возьми, это были мои воспоминания! Мои! Я не хотела с этим соглашаться, но они были мои, а значит, все, что случилось, все, что я видела, происходило со мной. Теперь я еще и злилась на прошлую себя, не желавшую признавать очевидное.

Столько времени потрачено зря, хотя не совсем понятно, что мне с этим нужно было делать, но в любом случае столько сил ушло на сопротивление тому, что теперь стало частью меня. Частью, с которой я продолжала воевать.

Воспоминания о моем прошлом, воскресили старые привычки, старый шаблон, с которым я была не согласна, словно ко мне подселили чужую личность, которой я сопротивлялась, пока в один из дней не обнаружила себя неизвестно где и неизвестно как там оказавшуюся.

Влада злила меня. Упрямая и высокомерная, я чувствовала ее характер в себе и не хотела с ним соглашаться, я не хотела быть как она, я хотела провести между нами черту, и чем больше я ей сопротивлялась, тем сильнее и коварнее она становилась, а стоило мне отвлечься и погрузиться в какие-то воспоминания из моего «реального» прошлого, как к моим чувствам, вызванным ими, примешивалась ее оценка.

Одним из таких событий, стало поначалу безобидное воспоминание суеты первых дней, после рождения Артема. Помимо его милейших пяточек и миленькой макушечки с тонкими волосиками, я вспомнила свое раздражение от того, как навязчиво мама вмешивалась во все,

что касалось моего ребенка. Она считала, что знает лучше, как обращаться с младенцем, и помыкала мной как служанкой, проводя с ним больше времени, чем я.

- Служанка! – Влада звонко и пронзительно рассмеялась. – Да ты просто ничтожество. Просто прислуга. Принеси мне вина!

- Заткнись! – Отвечала я, понимая, что воспоминание или сон, я уже путалась в этих реальностях, рассыпается. Приятное воспоминание оборвалось в том месте, где ко мне подошла мама и что-то сказала, я ей ответила, она повысила голос, и, сцепив зубы, я ушла на кухню, а она осталась нянчиться с моим сыном. – Она хотела как лучше!

- Она хотела как лучше. – Лицо Влады превратилось в деревянную маску, с красными полосками на грубо обработанном дереве. Она крутила ею из стороны в сторону неестественно быстро. От деревянной маски при тряске раздавались раздражающие щелчки. – Она хотела как лучше!

- Заткнись!

- Она хотела как лучше! – Влада крутилась в танце вокруг меня, в своем мерзком черном платье, с блестящими, черными волосами и красными лентами, на которых держалась маска на ее лице. – Она хотела...

- Заткнись! – Я попыталась поймать ее, но ничего не получалось, я просто гонялась за ней, нелепо крутясь вокруг самой себя.

- Она хотела как лучше! – Настойчиво повторяла Влада, вскидывая руки вверх, крутя головой и опуская их. – Она хотела как лучше! – Она резко обернулась. – Но, лучше не становилось! Становилось хуже!

- Замолчи!

- Как лучше! Как лучше! Как лучше! – Закричала ворона и взлетев вцепилась когтями в мое лицо, срывая с него маску.

Остолбенев, я застыла. Влады не было. Была я, в черном платье с валяющейся у ног маской, с красными лентами и детской погремушкой. Даже остановившись, я продолжала повторять: «Как лучше. Она хотела как лучше!».

Ярость разбирала меня во сне, и наяву, и я никуда не могла ее выплеснуть. Она словно разъедала кожу. Алекс, лишивший ворон гнезда... я ненавидела его и несмотря на это понимала... Понимала его как никто, потому что я не знала, что мне делать с этой злобой. Хотя возможно, все это было не мое! Это все Влада! Это ее чувства! Это она такая злая! Не я!

Может быть, это подселенец какой-то, а я одержимая, и теперь чужая злоба съедает меня!

- Не я, не я, не я! – Шептала она мне на ухо, обдавая лицо прохладным дыханием ветра. - Это она, она, она!

- Да заткись ты! – Рывкала я в пустоту, пугая уже дерганных волков.

- А я не такая! – Тихо подкравшись ко мне со спины, пока я набирала воду из ручья, шептала она мне на ухо. – Я не такая! Я добрая! Я не такая!

Я буквально чувствовала ее дыхание у своего уха, от него по шее бежали мурашки, а когда резко оборачивалась, чтобы отмахнуться от нее, между ветвей разносился ее ехидный смех и вороний крик.

Вороны меня и злили, и манили одновременно. Хотелось как Алекс, вскинуть руку и запустить в одну из них стрелу и в то же время хотелось прикоснуться к ним. Я чувствовала непреодолимую тягу к ним, но между ними и мной, была эта проклятая ведьма!

Черная и смеющаяся, нападающая на меня и постоянно с издевкой твердящая: Я добрая, я добрая. Я хорошая!

Я отмахивалась и кричала, пыталась поймать ее, но даже если у меня это и получалось, боль от всех ударов, доставалась мне одной

- А сама то! – Злилась я. – Сама то ты не такая?! Я добрая, а ты трусливая! Испугалась его любви!

Я громко рассмеялась, а она отвесила мне пощечину. Словно два врага мы набрасывались друг на друга с такой яростью, что я у меня все тело ломило от ударов. Обезумевшая, с нечесаными волосами, с ссадинами по всему телу, появившимися оттого, что я дралась с ней во сне и билась об стены и печь, а еще умудрялась царапать саму себя.

Я слышала ее днем и видела ее ночью в своих снах. Словно трикстер, она менялась со мной местами, доводя до крайней точки бешенства, которая достигнув пика, наконец, взорвалась и множеством осколков разлетелась в стороны.

Подкошенная этим взрывом, больше напоминающая чудовище, чем человека, я свалилась у ручья, чувствуя, как по израненной руке бежит прохладная вода, а частицы меня, достигая ворон, впиваются в их тела. Я почувствовала круглые бока планеты. Множество тончайших нитей натянулось, как только осколки достигли птиц.

Знакомый звон натянутой струны между висками нарастал, мне казалось еще немного и все будет кончено, кто-то моими руками, упрямо подтягивал колки, пока натянутая между висков струна, наконец, не лопнула и я не распахнула множество вороньих глаз одновременно, смотря через них на мир, в который пришла.

Обширный. Он раскинулся на миллионы миль вокруг, словно огромные птичьи крылья распахнулись и обхватили землю.

Боясь шелохнуться, ослепшими человеческими глазами, я смотрела вверх, видя множество картин одновременно. Разные люди, разные города, парящие над ними птицы. Совсем другой мир. Оказывается, за пределами этого проклятого леса, все же есть жизнь, люди и культуры.

Девушки в ярких платьях, кружились в танцах, им подпевали укутанные в мех северянки, и все они обернулись на меня, как только птицы вспорхнули и с криком поднялись вверх, стягиваясь со всех концов света ко мне. По мере их приближения я видела земли, раскинувшиеся вокруг леса. Дома людей, вскинувших голову вверх и с тревогой смотрящих на стягивающееся к лесу полчище ворон.

Первым меня достиг их оглушающий крик, а потом уже небо заволокло черной тучей, от которой на некоторое время стало темно как ночью, пока вся эта ночная тьма не осела на ветвях деревьев. Их было чудовищно много, и все они смотрели на раскинувшуюся на земле сумасшедшую.

Спутанные черные волосы, грязная льняная рубаха выше разбитых колен, поцарапанное лицо и смотрящие вверх, черные вороньи глаза, на неподвижном, залитом слезами лице. Я смотрела на себя их глазами и не верила, что это я, что это не она. То же лицо, те же волосы, тонкие щиколотки и изящные пальцы. Чтобы стать окончательно ею, не хватало только черного платья, но если бы только лишь в платье было дело.

Глава 2

Как только все вороны запасы этой планеты слетелись в лес, жизнь моя изменилась, но не в том смысле, в котором я хотела бы. Все оказалось проще и прозаичнее. Как только все окружающие деревья облепило воронье, а кто не поместился на деревьях, летал вокруг, то они просто взяли и обосрали всё и всех: меня, волков, дом и лужайку перед домом. Такое чувство, что специально копили и терпели, пока до нас не долетели.

Волки пытались оказать сопротивление, но проиграли эту битву почти сразу и в панике ломанулись ко мне в дом, обтерев своей обосранной шкурой мне еще и стены. В итоге лес вокруг дома превратился в вороний туалет. Мне казалось, что я вот-вот взорвусь как лампочка от гнева, но не давая мне сосредоточиться на чем-то одном, гнев сменял истеричный смех и я хохотала как умалишенная, особенно когда пришла волчица, такая же обосранная как и мы.

От ее былой величественности не осталось ни следа. Вороны унизили нас всех, ничего для этого фактически не делая. Волков было жаль, но поместиться все вместе под крышей моего дома мы не могли, поэтому я вытолкнула всех, разрешив только волчице остаться, но та как египетский сфинкс заняла все свободное пространство, воняя вороньими фикалиями и срыгивая при попытке вылизать шерсть.

- Улетайте! Летите! – Прикрыв макушку тарелкой, найденной в одной из изб, чтобы мне хотя бы макушку не обстреляли, я махала руками как волшебница, словно бы они щас вот возьмут прям и разлетятся по мановению моей руки. В итоге пришлось снова бежать к ручью и умываться...

Ехидный смех Влады я слышала где-то на периферии сознания и нагревалась от раздражения. Сонастроиться с воронами не выходило. Я то смотрела на себя их глазами, то одним глазом на себя, другим на них, в итоге все этим попытки заканчивались головной болью и толку не было никакого.

Вороны летали вокруг и вили гнезда. В какой-то момент они перестали гадить вокруг и я поняла, что местом своего туалета они выбрали область вокруг бани и дальше к полю брани, где от тел воинов, благодаря корням, остались одни воспоминания. Вокруг дома же теперь все деревья были в гнездах.

Не зная, что со всем этим делать, я как смогла, заточила топор и решила сделать навес у дома, ну или веранду. Баней нормально пользоваться теперь не получалось, поэтому вытащив колышки из земли я перетащила их ближе к дому и воткнула в землю. Они оказались не такими большими как мне были нужны, поэтому пришлось использовать их для навеса, а для балок, которые будут держать всю эту конструкцию на определенной высоте, пришлось рубить молодые деревья, благо теперь я припрягала волков и те таскали эти молодые деревца для меня.

Работа над верандой, помогла немного переключиться и успокоиться. Как только навес был готов, под него забились волки. Бедолаг пришлось водить до озера и там купать, а потом вычесывать. Вороны порезвившись прекратили нас так интенсивно «атаковать», но взаимопонимания у меня с ними не было никакого.

Обозлившись, мы с волками, надолго уходили из дома и блуждали по лесу, ходя одними и теми же тропами. Конечно, пернатое сопровождение волочилось за нами, но не в таком количестве, которое разместилось вокруг дома.

Периодически на таких прогулках я находила что-то полезное. Например, недавно нашла чей-то шлем. К счастью головы владельца в нем не было и тот не плохо держал воду. В итоге славный шлем, стал у меня славной кастрюлей.

Головной убор был серебряным и тяжелым, внутри остались ошметки подклада, но я все оттуда выдернула и помыла. Варя в нем суп из черемши, я приправила его чувством собственного самодовольства от своей оригинальной идеи.

Еще я находила стрелы, но что с ними было делать, не понятно, но мне нравились накопечники и я их собирала. Не знаю для чего.

В один из дней, блуждая вместе с волками вдоль ручья, мы ушли дальше чем обычно и набрали на склон, где ручей превращался фактически в водопад, который заполнял небольшие естественные ванны, при виде которых я не иначе как на крыльях слетела со спины волчицы.

Каменные глыбы, за многие века размыла вода и кое где образовались углубления способные вместить человека. Место было опасное, если поскользнуться, то до земли лететь метров пять, собирая удары от выступов, но если спускаться осторожно, то вполне можно было добраться до земли, но мне это было не зачем делать, добравшись до самого комфортного углубления, я быстренько стянула с себя одежду и забралась в воду.

Рядом приземлилась ворона, но я от нее отмахнулась и она, отпрыгнув села чуть подальше. Расслабившись в теплой воде, я не заметила, что разглядываю сама себя со стороны. Узкие ступни и тонкие щиколотки, аккуратные коленки и обнаженную грудь, проступающие сквозь воду темные соски, плечи, острые ключицы и лицо. Я настолько не заметила, как переключилась на ворону, что шарахнуло меня осознанием, что именно происходит, только тогда, когда я увидела такие же черные как у Влады глаза на своем лице.

Испугавшись, я подпрыгнула на месте и наклонившись попыталась разглядеть свое лицо в расходящейся кругами воде. Когда рябь немного улеглась, я успокоилась, увидев человеческие глаза на своем лице.

Ворона сидела на месте и продолжала смотреть на меня. Спустившись под воду, так что над водой остался только нос и глаза, я тоже смотрела на нее и думала о том, что в краткий миг перед тем как я поняла, что это мои глаза заволокло чернотой, мне показалось, что я разглядываю Владу.

Я продолжала считать ее чем-то отдельным от себя, хотя с каждым днем все больше чувствовала, что мое нынешнее Я, это ее продолжение. Тем не менее интегрировать ее в себя мне было трудно и в голове вертелась мысль о корабле Тесея.

Согласно мифу, корабль, на котором Тесей вернулся с Крита после победы над Минотавром, афиняне хранили в порту долгие годы. Чтобы корабль не сгнил, они постепенно заменяли старые доски новыми. Суть парадокса в том, что в какой-то момент все исходные части корабля оказываются заменены. Возникает вопрос: является ли это судно тем же самым кораблем (кораблем Тесея) или уже совершенно новым? А если бы из старых досок собрали второй корабль, то какой из них был бы настоящим?

Я чувствовала себя кораблем Тесея, а Владу его прежней версией, но попытка разделить нас вызвала стойкое внутреннее сопротивление, в итоге сидя в теплой воде, которая к вечеру нагревалась сильнее, я не могла найти ответ, кто она, кто я и где начинаюсь я и заканчивается она? Мне не нравилась она, я не нравилась ей, но как можно не нравиться самой себе?

По итогу все эти размышления не давали ничего кроме усталости от неизменного тупика в который я упиралась и раздражения, потому не став углубляться в кроличью нору размышлений слишком глубоко, я расслабилась, чувствуя как волосы в воде ласкают тело и оставаясь на грани сна и дремы, подавляя сопротивление не заснувшего разума, почувствовала как медленно сознание переключается на чужие глаза.

Легко, словно освободившись от тяжелого доспеха, я впорхнула в птичье нутро, ощущая ее непривычное для меня строение тела и тесня уступающее мне сознание. Самостоятельно увидеть себя ее глазами оказалось не просто, но прорвавшись сквозь мглу восприятия, я снова увидела себя со стороны. В этот раз мои глаза были закрыты, так словно я сплю, но я знала, что это не сон. Сердце сильнее забилося в груди и я заволновалась, немножко паникуя от того, что делаю это фактически осознанно.

Птица сорвалась с места и полетела, но, не справившись с волнением, я вернулась в свое тело, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Постепенно паника улеглась и я не заметила, как наступила ночь.

Горячая вода превратила мое тело в разваренный капустный лист. Не хотелось надевать на себя грязную одежду и забираться на линяющих волков, но и на своих двоих добираться до дома, было лень да и дорогу я без них все равно не найду, потому пришлось и одеться и на волка забраться.

По дороге домой, я прокручивала в голове ощущения от случившегося. Никакого сопротивления со стороны животного, скорее моя собственная паника, помешавшая мне, но что бы я тут не видела, я все равно с трудом могла поверить, что такое может быть в реальности. Даже если эта реальность сумасшедшая.

Дома, забравшись в постель и заснув, я словно разделась. Освободившись от тела как от пут, я пол ночи летала с воронами по лесу. Стая так громко и восторженно кричала, что я, точнее мое тело от этого крика начало просыпаться, пришлось радоваться подальше от дома.

Мы облетели все окрестности, я явно что-то увидела, что привело меня в восторг, но проснувшись я не смогла вспомнить что именно, потому что по привычке начала спорить сама с собой, доказывая себе, что это был просто сон.

Глава 3

Меня беспокоило то, что я никак не могла вспомнить, что вызвало у меня такую радость во сне. Что я такого увидела в нем. Сколько бы я ни ломала голову, извлечь воспоминание из памяти не выходило. Единственное, что отпечаталось в памяти ощущение свободы и восторг полета, смутные образы леса и поля где-то далеко за ним, но больше ничего.

Я даже попыталась как-то втиснуться в сознание вороны, но ничего не вышло, только голова разболелась. Во сне моя логика не сопротивлялась интуиции и все получалось легко и естественно, в реальности же вороны продолжали гадить, где зря, орать и нападать на волков.

Регулярные стычки стали почти привычными, хотя волки при всей своей силе, уступали птицам в количестве, при этом когда один из мохнатых всё-таки поймал ворону, ор поднялся такой, что мне, расталкивая птиц руками, пришлось бежать в эпицентр побоища, где черная туча, едва не разодрала огромного волка на атомы и отгонять их от него, а потом выколупывать у того из пасти вороньего недоросля.

В моих воспоминаниях, перешедших от Влады в наследство, почти ничего не было о таком поведении ворон, но чем дольше мы жили бок о бок, тем больше я понимала какие это агрессивные и умные твари, очень злопамятные и ехидные. Как с ними управлялась Влада, я не понимала.

Ей, насколько я помню, они какого-то дискомфорта не доставляли, возможно, потому, что их народ жил бок о бок с этими существами веками, мне же с волками приходилось лихо.

Ко всему прочему, я вскоре поняла, что вороны ревнуют. В один из дней я решила заваляться спать с волками на берегу озера, в привычном уже для нас мохнатом гнезде. У меня был волк, который служил подушкой, потому что у него был самый мягкий бочок, а еще волк, на которого я забрасывала ногу, на меня тоже кто-то пристраивал мохнатую голову и лапу, и так мы спали до утра.

Иногда к нам присоединялась волчица, но в тот злополучный вечер, когда мне стало лень идти до избы, и мы улеглись спать, на уже привычный вороний галдеж, слетелись все кто ошивался вокруг избы, и все они пришли в какое-то поначалу необъяснимое для меня буйство.

Я не могла понять, что происходит, пока некоторые из ворон не начали подлетать ближе и пытаться цапнуть волков, а те щелкали пастью, пытаясь поймать пернатых за хвост. Некоторые даже не подлетали, а подбегали по песку, цапая рычащих волков за бока. В итоге те вскочили на лапы, обороняясь, а я, не понимая, что происходит, пыталась отмахнуться от ворон и задать тем вопросы, ответом на которые стал фекальный обстрел.

Я не знаю, скорее всего, дерево являлось сакральным местом, как и озеро, но смывая вороньи плюхи с волос, в священных, вероятно, водах, я, не сдерживаясь, вспоминала все ругательства, которые знала сама и которыми был удивительно полон лексикон Влады.

Если раньше я отмывалась от волчьей шерсти, теперь еще и вороньи катапульти прибавились, во жизнь! Где магия? Где Хогвартс, в конце концов?! Где волшебная палочка, скатерть-самобранка и полеты на метле?!

Почему я должна едва ли не каждый день смывать воронье дерьмо с волос?! Я их и так с трудом расчесываю! Всегда мечтала о густой шевелюре и наконец, получив ее, не могу ее расчесать, а волос ко всему прочему еще и очень чувствительный.

Свои вопросы я, конечно, озвучила воронам, вместе с оскорблениями, и пришлось снова мыть голову. Теперь я ходила в платочке из разодранной юбки и периодически опускалась до того, чтобы показывать ничего не понимающим птицам неприличные знаки руками. Поначалу мне было неловко, но очень недолго. К концу пребывания здесь, а я на него всё-таки надеюсь, я окончательно превращусь в типичную ведьму из сказки.

Несмотря на разногласия, я продолжала попытки как-то состыковаться с воронами, потому что периодически, в совершенно случайные моменты видела саму себя или волков, или какую-то часть леса их глазами, но все это происходило спонтанно и неожиданно.

Когда же я пыталась сама как-то интегрироваться в их сознание, это заканчивалось исключительно головной болью и раздражением, а недавно даже кровь из носа пошла. В итоге я бросила эти попытки и окунулась в рутину, по благоустройству дома и территории перед домом, используя для этого все, что находила и старые дома, еще не полностью проглоченные корнями, и камни, и красивую, плюс полезную местную растительность.

После событий в тронном зале я отходила несколько дней, мучаясь кошмарами и головной болью, я снова оказалась в лесу, наедине с собой, волками и ревнивыми воронами. Скудную, но успокаивающую рутину бытовой жизни, разбавляли воспоминания Влады, в которых я ковырялась как в чулане, проводя параллели ее жизни и своей. В них были совпадения.

Она, как и я, любила отца, чем-то ее отец в воспоминаниях был похож на моего. Возможно. А возможно, то шутки разума, накладывающие один образ на другой. Я ни в чем не могла быть уверена. Закрывая глаза, я спускалась по канатной лестнице куда-то вглубь себя и ковырялась там в темноте, в припыленных временах артефактах, извлекая на свет то одну, то другую побрякушку, к которой было привязано воспоминание.

В лесу, наедине с маленькой дочерью, король ворон становился просто папой. Брал маленькую Владу на плечи и сбросив всякие нормы этикета, распахнув руки словно крылья, носился с ней по лесу, под ее пронзительный визг, а потом кормил ворон тем, что они взяли с собой на прогулку.

Вспомнив об этом, я тоже начала подкармливать птиц. После того как волки притаскивали очередную тушку какой-нибудь зверушки, я делилась с воронами. К счастью, мне самой было нужно совсем чуть-чуть, максимум на бульон и то не всегда. Мяса я с лихвой зимой наелась, теперь от него воротило, но волки все равно несли свою добычу, и теперь я ту делила еще и с воронами. Вызывая негодование у волков, но потом до меня дошло, что если не просто брать то, что они принесли, а еще и похвалить их, то те довольные собой не злятся на то, что я подкармливаю ворон.

Удивительно, но я ни разу не сказала волкам спасибо, хотя, возможно, и говорила вскользь, когда в целом привыкла к ним, но моя благодарность не была чем-то особенным, чтобы они ее запомнили, но если похвалить их от души, те едва ли не подпрыгивали от радости. Постепенно волки стали приносить дичь крупнее, чем раньше. Раньше мне и одного зайца за глаза хватало на несколько дней, теперь же с ордой птиц его было мало, и волки тащили больше добычи.

Когда я это заметила, а до меня не сразу дошло, почему они стали притаскивать более крупную дичь, с которой было больше возни, я поняла, что они это делают для ворон, очевидно, я одна такой объем съесть не могла. Постепенно количество стычек стало сокращаться, и если бы не ревность ко мне, вовсе сошли бы на нет. Я наблюдала за животными, поражаясь, как быстро они договорились. Людям явно есть чему поучиться у животных.

Позже я поняла, что они еще и охотиться стали вместе. Вороны находили больную дичь или ту, что была поблизости, и зазывали волков, те теперь подрывались на вороний крик совершенно неожиданно и потом неслись куда-то, откуда приволакивали какого-нибудь монстра. Когда они притащили мне еще живого, малость придушенного медведя и тот дернулся, я взлетела на крышу без крыльев, на одной только звуковой волне и оттуда попросила их, не очень вежливо, есть свою добычу где-нибудь подальше от моего дома!

С тех пор мне притаскивали зайца, и большая часть вороньей тучи, носилась за волками, подальше от моего дома, давая мне перерыв от своего галдежа, пока в один из дней волк не угодил в ржавый капкан.

Глава 4

О том, что что-то случилось, я поняла до того, как лес разорвал вороний крик и множеством вороних глаз я увидела бьющегося в ржавом капкане волка.

Необъяснимая тревога мучила меня с самого утра, а когда волки ушли на охоту, я не могла найти себе места и задавала себе один и тот же дурацкий, надоедливый вопрос, звучащий в полной тишине сознания, из которого исчезли разом вообще все мысли:

«Ну, ты чего, Саш? Ты чего?» – Спрашивала я саму себя, не понимая, что со мной происходит. В голове не было ни одной мысли, кроме этой. Белый лист. Сияющий в пустоте. Меня потряхивало, и единственное, что крутилось в голове это вопрос, на который у меня не было ответа, пока резко не заломило левую руку от запястья к локтю.

После резкой вспышки боли, от которой замерцали белые мушки в глазах, раздался оглушающий крик ворон. Когда орет такая орава, это сбивает с ног. Пришлось открыть рот, чтобы мне не разорвало барабанные перепонки и голова не треснула словно орех.

Меня приложило такой волной, от которой я свалилась на колени возле ручья и прежде чем упасть в него лицом и поцарапать лоб о камни в воде, я распахнула множество черных глаз и потерялась в чудовищном объеме обозримого теперь пространства.

Я впервые почувствовала приблизительный масштаб леса, и он оказался чудовищных размеров. И это была даже не вся его часть. Если бы лес был вороной, то одно его крыло опаляло солнце, другой сковывал холод. И весь этот живой организм был сконцентрирован на бьющемся в силках волке.

Не знаю, шок это был или я просто чувствовала ворон лучше, чем себя, но я не заметила, как добралась до волка. Я вообще не поняла, что иду к нему. Когда рядом с волком появился человек, я испугалась, не поняв, кто это, и только подлетев поближе, в незнакомом лице, не сразу признала саму себя.

Черные, как у Влады стеклянные глаза смотрели перед собой. Равнодушное, пустое лицо, залитое кровью из раны на лбу. Падая с подбородка, та растекалась по груди и впитывалась в тунику, что-то текло по шее, заползая под воротник.

Мокрые черные волосы, словно древесные корни облепили лицо, шею и плечи. На мгновение мне стало жутко от нее, пока я в этом ком-то не узнала себя. Пришлось искать себя среди ворон, смотрящих сотнями глаз на меня одну, и искать себя среди них, тогда как я была в каждой из них.

Вернуться помогла паника. Сердце лихорадочно забилося в груди, и я вернулась обратно, ощутив, что меня сковало словно в камне. Я свалилась в ступор и странное онемение, все мысли словно ветром рассеяло, и я оказалась в сияющей пустоте отсутствия мыслей, из которой меня вывел тихий, полный боли голос волка. Мне показалось, что я услышала его человеческий голос, внутри собственной головы и не сразу отличила его от своего. «Помоги мне! Помоги! Помоги!» — звал он меня в охватившей меня пустоте.

Двигаясь за его голосом, как за нитью Ариадны, я смогла вернуться к себе и справиться с оцепенением. Вытерев слипшиеся от крови глаза, тыльной стороной запястья, посмотрела на волка и засомневалась, что это он звал меня. Обезумевшие от боли, злые глаза и ощеренная пасть.

Попытка подойти, провалилась. Он бросился на меня, едва я сунулась к нему. «Тише, тише... Успокойся» — шептала я, но только моя реакция спасла мою шею от его сомкнувшихся в миллиметре от нее зубов.

Нужно было как-то обезвредить волка, потому что боль ослепляла его и делала опасным. Мне нужна была веревка, чтобы связать ему пасть, иначе он цапнет меня, даже не желая этого,

просто потому что больно. Фантом его боли сводил мышцы моей руки, не хотелось думать, что чувствует он. Несмотря на жалость, я чувствовала, как во мне разгорается гнев.

Лихорадочно перебирая в уме, все тряпки, которые есть на мне и что есть дома, я искала, что-то подходящее, какой-то прочный ремешок, который еще нужно будет как-то обвязать вокруг его морды. В какой-то момент я хотела, стянут с себя свою окровавленную тунику, но он бы разделался с ней за секунду, эти волки медведя завалить могли, моя туника из тонкой ткани не удержит волка размером с лошадь. Нужен был либо прочный ремень, либо цепь, и пока я перебирала в уме, где их найти, рядом со мной упала прочная шлейка. Вороны принесли.

Не знаю, где они ее нашли и для чего она предназначалась, но на ней был крепкий металлический крючок и петля. Я не была уверена, что она справится с волком, и не одна я, вскоре несколько ворон приволокли цепь, которой едва не пробили мне макушку.

Ржавая, но не тяжелая, она подходила лучше, но вот как ее закрепить и завязать? Для начала стоило сделать так, чтобы он не мог сомкнуть свои зубы, предстоит пропихнуть цепь между зубов, а потом, когда он не сможет сомкнуть челюсти для укуса, зафиксировать цепь. Обвязать пасть не выйдет, мне нужно было действовать быстро, а пока я буду обматывать его огромную пасть, да еще и пытаться ее как-то сжать, так чтоб стянуть цепью, он меня к этому времени не то что сожрет, уже, скорее всего, переварит.

Перехватив цепь поудобнее, я отошла от него так, чтобы он не мог на меня наброситься, и принялась кружить вокруг него, помахивая концом цепи. Он крутился вокруг своей оси, то бросаясь ко мне, то возвращаясь к пойманной в тиски лапе, но он не подпускал меня, пока ко мне не присоединилась сначала волчица, а потом и вся оставшаяся стая, закружившая вокруг него. Волки то обгоняли меня, то прикрывали меня собой, отвлекая внимание.

В голове мольбы о помощи сменялись бессвязным криком. Его боль и ярость туманили разум не только ему, но и мне. Маховик закручивался, набирая скорость, к нему присоединились птицы, и в какой-то момент происходящее стало походить на охоту. Я потерялась в его чувствах и едва не ослепла, когда я поняла, что время уходит, а я до сих пор не нашла подходящего момента, чтобы подойти к нему, я просто вытолкнула себя к нему, бросаясь к его распахнутой пасти и заталкивая туда цепь.

Авантюра несмотря на весь абсурд увенчалась успехом, потому что он едва не подавился цепью и моей рукой, это дало мне несколько мгновений, чтобы перекинуть цепь ему за затылок, но затянуть ее я не смогла, удалось только перехватить концы и когда он мотнул головой, пытаясь сбросить меня, я повисла на его шее, стараясь не дать ему, выплюнуть цепь.

В тот момент все смешалось в единую кучу. Кружащие вокруг волки, бросились к нам, чтобы он не придавил меня своим телом и не разодрал, а я, болтаясь на нем, пыталась подтянуться выше, чтобы обмотать его пасть и голову цепью.

Руки дрожали от усталости, и цепь соскальзывала с морды, я почувствовала, что выбиваюсь из сил и вот-вот свалюсь с него, и он меня либо задерет, либо отбежит и больше не подпустит вообще. Разозлившись, я рявкнула: «Уймись!», но он меня даже не услышал, когда в возне со мной и другими волками, представился момент, я перехватила два конца цепи одной рукой и, размахнувшись, ударила его по морде. Вложив в удар всю свою злость и усталость.

- Скотина! Уймись, полудурок! – Пришлось врезать ему еще несколько раз и один раз вцепиться пальцами в шерсть, в попытке выдрать. Он перевел на меня свой желтый глаз, который на таком близком расстоянии казался особенно большим. Обвив его тело своими конечностями, я прижималась вплотную к нему и висела фактически на его шее, держась за цепь и шерсть.

Приблизившись к нему вплотную, обливаясь потом и едва держась на нем, я прошипела ему самое честное свое обещание. В тот момент я действительно думала, что так и сделаю, если он не прекратит бесноваться: «Если ты сейчас не уймешься, я тебе глаза выдавлю. Понял?»

и, судя по всему, он мне поверил, потому что прекратил метаться и настороженно посмотрел на меня.

Когда нет времени пудрить себе мозги логикой, все происходит быстро и правильно. Не тратя времени на раздумья и продолжая ему расписывать, что я с ним сделаю, если он шелохнется, я обмотала его голову цепью. Причем с первого раза не вышло хорошо ее зафиксировать и мне пришлось снова переделывать, я, наконец, крепко затянула шлейку за ушами и сползла на землю. По лицу тек пот, окрашенный запекшейся кровью, я разодрала себе еще и коленку. Руки мелко дрожали, но волк с перевязанной мордой сидел рядом и больше не пытался напасть.

Оглянувшись, я посмотрела на волка, чья морда выглядела настолько нелепо, что стало смешно, хотя ситуация совершенно не располагала к веселью, но то, что мы ему намотали на голову, смотрелось комично. Под цепью застрял кусок моей туники, которая была разодрана в клочья, там же были какие-то ветки, и в целом и он, и я все были в грязи, потому что он не раз протаскил меня по земле.

- Ну, только что вороны на тебя не насрали. – Прокомментировала я и рассмеялась.

Мой неуместный смех показался нелепым, но после него могильная тишина, наконец, сгинула и в лес вернулись звуки. Вороны загалдели, зашумела от ветра листва, и мир с облегчением задышал, а я, отсмеявшись, сбросила львиный кусок напряжения.

С трудом поднявшись на ноги, я ушла к ручью, сказав волку, что прикончу его, если он попытается снять с себя цепь. Не знаю, понял он или нет, но когда, смыв с себя в ручье всю грязь и промыв раны, я вернулась к мохнатой бедолаге, цепь была на месте, а он посмотрел на меня обиженными глазами. В них была и боль, и страх, но ужаса больше не было. После всей этой возни нас всех немного отпустило, но ненадолго. Впереди был самый трудный бой. Предстояло как-то расцепить здоровенный капкан.

- Заткнись! – Рывкнула я зло на него, когда подошла к капкану, и он зарычал. Размахнулась и снова врезала ему по голове. Чтобы он боялся меня больше, чем капкан. – Заткнись! – Прошипела я, дергая его за цепь на морде и подтягивая ближе к своему лицу. - Понял меня?! – Я снова вытащила из себя худшую часть своей натуры, лучше которой никто не справлялся с грязной и сложной работой. – Только попробуй мне дернуться, мерзкая дрянь, я тебя сама прикончу!

Волк заскулил, отвел глаза и попытался отвернуться. Дернув раз его за цепь, я выпустила ту из рук, и больше он не дергался. И на меня тоже больше не смотрел. Поднявшись на ноги, я ушла искать подходящие палки и прежде чем нашла, обнаружила еще один капкан.

Пришлось потратить одну из найденных, крепких палок на то, чтобы замкнуть капкан. От удара широкое древко треснуло, но не переломилось. Не хотелось думать, что сейчас происходит с лапой волка, но я уже начинала накаляться.

Как только я с палками приблизилась к волку, тот занервничал, но не вскочил. Я понимала, что времени у меня мало, он истекал кровью, и его испуг передо мной рассеивался так же быстро, как и мои надежды с первого раза разомкнуть капкан.

Битва с железными тисками, вытянула из меня все силы, а чудовищная рана лишала надежды, на то, что все это еще можно будет исправить без серьезных последствий, но кость была цела и, снова рывкнув на волка, я всем весом навалилась на втиснутые меж зубьев палки. От усилий, на грани моих возможностей, подскочило давление и набатом колокол забился в висках, но я, наконец, смогла разомкнуть стальные челюсти ловушки достаточно широко, чтобы волк высвободил лапу.

Свалившись на землю рядом с ловушкой и загнано дыша, я смотрела в прозрачную синеву неба и не верила, что мне удалось освободить его и он не перегрыз мне горло, пока я висела на нем. Перемотав пленку воспоминаний, я взялась выстраивать алгоритм действий с лапой волка, на самом деле самое сложное еще впереди.

Нужна зола, горячая вода, чистые тряпки, веревки для шины и...для...прикрыв глаза, рвано выдохнула, нужно было наложить шину, перебинтовать лапу. Нужно было встать и дойти до дома. Не дать волку далеко убежать, но руки дрожали от напряжения, поэтому я просто лежала и смотрела в небо, переключаясь то на свои глаза, то на вороны.

Посмотрев на себя, валяющуюся со стороны, я подумала, как нелепо выгляжу: из-под разодранной туники торчала обнаженная грудь. Шея в крови. Лицо я хоть и умыла, но на шее осталась кровь, но даже без нее я была вся в грязи и кровь на коленке, из раны которую я промыла, не остановилась, нога до ступни была в красных, размазанных потеках. А еще глазами ворон я увидела еще один капкан. В него едва не наступила волчица.

Собрав себя в кулак, я поднялась на ноги и взяв одну из палок, которые негодились и воткнула в капкан, заставляя тот захлопнуться. Сходя до ручья и приведя себя в какое-то подобие порядка, мне показалось, что я знаю, где еще один капкан.

Нужно было возвращаться к волку, но любопытство тянуло меня проверить догадку, и я обнаружила еще три ржавых капкана, в одном из которых уже была чья-то отгрызенная лапа. Так, шаг за шагом я шла и чувствовала помимо гнева, на тех, кто это сделал, что я близка к чему-то. Где-то должны быть люди, раз тут капканы.

И действительно...спустя минут десять, я вышла к окраине деревни, которая, вероятно, когда-то не была частью леса, но теперь ветхие крыши пронзали деревья, а из разбитых окон, торчали кривые ветки кустов. Все тропинки и дорожки утонули в высокой траве и колючих кустах, оплетающих собой, всю деревню, превратившуюся в памятник былому.

Смотря на дома мне казалось, что я их уже где-то видела, одна картинка накладывалась на другую, пока изморозью по коже, до меня не дошло, что это та самая деревня, в которой ведьма спасла волчонка из клетки у наемника.

Стало не по себе. Холодок пробежал по спине. Знакомые улицы, я помнила их живые закоулки из того сна, теперь я с трудом нашла бы проложенные когда-то повозкам дороги. Обернувшись, я посмотрела в ту сторону, где когда-то был базар, но о нем напоминали лишь несколько не обвалившихся, но выгоревших на солнце, деревянных крыш над лотками.

Сцепив зубы и кулаки, я заставила себя отвернуться и запрыгнуть на спину к подошедшей волчице. Можно было с помощью ворон облететь деревню и рассмотреть ее получше, но почему-то я не хотела этого делать. Пора было возвращаться к волку. Впереди нас ждала и без того непростая ночь.

Глава 5

Трусливый поганец, вероятно, хотел сбежать и где-то спрятаться, но его стая не дала ему уйти далеко и окусывающегося пригнала к дому, где тот, как только увидел меня, предпринял еще одну отчаянную попытку дезертирства.

- Боишься? – Спросила я, проходя мимо него. – Правильно делаешь. Только меня тут и стоит бояться.

Зайдя в дом, обвела свое убогое жилище глазами и поняла, что ничего тут не найду, чтобы скрутить эту махину и обездвижить. А если я этого не сделаю, он не даст нормально обработать ему рану.

Чтобы обездвижить такого здорового лося, мне нужна цепь, длинная и прочная, или ремни, а у меня был только один и тот едва живой. Если бы кто-то из воинов еще остался в поле, можно было бы попробовать поискать там. Мысль о том, чтобы обшаривать мертвые, сгнившие тела, вызвала тошноту, и я обрадовалась, что их там уже нет, потому что я бы заставила себя сделать это.

Перебирая варианты, я разожгла огонь и, набрав в свою новую «кастрюлю» воды, поставила ту на огонь. Туда же отправились чистые кувшины с водой и широкая чашка, из которой я теперь ела. Горячая вода мне пригодится, и желательнее гораздо больше, чем я имею возможность сейчас нагреть.

Кусая губы, я присматривалась к возможности добраться до замка и найти там цепи, примерно я представляла, где их можно найти, но идти туда и обратно, это полдня, у меня нет столько времени. Оставалась моя одежда. А именно мои единственные крепкие бриджи, которыми можно было попытаться связать волчьи лапы.

Были еще старые штаны тут, в которых я ходила, пока бриджи не нашла, но те едва живые, если он их дернет разок, они разойдутся по швам. В итоге пока я ковырялась в своих жалких пожитках, я действительно разозлилась на своего мохнатого пациента.

- Иди сюда! – Рыкнула я, открыв дверь.

Бедолага, поджав хвост и уши, попытался снова дать заднюю, но я, уже решившая пожертвовать свои драгоценные бриджи, домчалась до него, схватила его за цепь на морде и поволокла к избе. Хромая, он плелся за мной и тихо скулил. Я и злилась, и боялась за него и переживала, что у меня ничего не получится. Я знала, только примерный алгоритм действий, но не была уверена, что все получится.

Притащив волка к двери, я заставила его сесть под навес. Нарычала на него, угрожая ему расправой, если он двинется с места, и снова ушла в дом. Вообще, я хотела вызвериться на него сильнее, за все свои страхи и за бриджи, которым замену я сейчас наврядли найду, но увидев эту печальную, опутанную цепями морду, сердце сжалось.

Пока я ковырялась в печи, выгребая в чашку золу, пока искала подходящую чистую ткань, вороны приволокли огромную цепь, и гадины черные, специально уронили ее на навес у двери, так что цепь пробила крышу, под которой мы с волками от них прятались. Когда я выскочила из дома и увидела цепь, я не знала, орать мне на них или благодарить.

Волк, быстро смекнувший, что к чему, попытался сбежать, но мне даже не пришлось его ловить, на него набросились вороны, и ему удалось, только кружок вокруг дома сделать, и он сам пришел ко мне, пряча свою мохнатую задницу от птиц.

- Помощнички мои. – Ласково протянула я, погладив одну из птиц и только развернувшись к волку, забившемуся в угол между печью и стеной, поняла, как легко и естественно я коснулась её. У меня такого не было даже с тем дряхлым вороном, которого я давно, кстати, не видела.

Ну а дальше, перехватив цепь, я вытащила из себя, худшую свою часть и припугнула волка так, что тот почти не сопротивлялся, пока я выживала его из его укрытия и фиксировала его цепью, к балке в стене. Небольшой зазор, из которого я вытащила очередной, заползший внутрь корень, был как раз того размера, который позволял проташить через него цепь. С другой стороны стены в одно из звеньев, я просунула кочергу, чтобы он не выдернул цепь.

Но по итогу всего этого оказалось мало. Пришлось достать и бриджи, и старые штаны, но он был слишком большой и сильный, чтобы легко с ним справиться. Я попыталась закрыть ему глаза, намотав на морду кусок ткани от юбки, но мера эта была бесполезной, потому что когда я смочила тряпку горячей водой и, приложила ту к развороченной капканом лапе, он взвился и задергался так, что едва не разломал стену, к которой был привязан за цепь. Я поняла, что к концу обработки раны, он разнесет мне всю избу.

Тащить его на улицу я не хотела, потому что не знала, к чему его там привязывать, там ему легче чем в избе будет сбежать от меня, и я уже пока фиксировала его в избе, устала. Повторение этой процедуры мне виделось в кошмаре, а самое сложное было еще впереди.

- Ах, ты дрянь! – Размахнувшись, я треснула волку по морде. – Лежи, пока я с тебя шкуру не сняла!

Волк то скулил, то пытался рычать, но все это пока я на него ругалась, когда же раны косалась горячая тряпка, он взвивался и дергался, дом ходил ходуном и с крыши сыпался мелкий мусор, а волк весь клокотал от гнева, и явно только цепь на морде не дала ему сомкнуть челюсти на моем горле.

Я не знаю, сколько прошло времени, в избе появились новые щели, сквозь которые у меня теперь была улучшенная циркуляция воздуха и комаров, а еще точечное освящение, но у меня не было нормально обработанной лапы и сил. Руки мелко дрожали, а с этого лося сил ни на грамм не убавилось. Терпение мое начинало иссякать, но что с ним делать я не знала. Я уже и так на каждое его действие лупила его, но ему мои удары, все равно, что комариный укус. Боль лишала его всяких авторитетов.

Я даже пыталась ему объяснять, что с ним будет, с его лапой, но все это, конечно, было без толку. Я несколько раз снова ставила греть воду, потому что она остывала, а нужна была именно горячая, пришлось сменить тряпку, потому что самой чистой тряпкой, не сдержавшись, я отмудохала его по морде, в итоге он напугался ровно на пять секунд и, как только я потянулась к его лапе, снова оскалился и зарычал.

Мне казалось, что внутри меня натягивается струна, которая грозила вот-вот лопнуть. Весь дом был похож на побоище, дышавшая на ладан печь треснула по центру и явно планировала снова обвалиться, перевернутый стол валялся в другом углу, лавка тоже, почти все горшки на полу, как и все мои вещи. У меня не осталось ни одной чистой, неиспользованной вещи, кроме еще нескольких тряпок, заготовленных для промывания раны.

Постепенно во мне просыпалась такая ярость, не знакомая и черная, словно стальным металлом все тело охватывающая, что я поймала себя на том, что мне трудно говорить. Челюсти сдавило так, что я слышала скрип собственных зубов.

Вытащив свою кастрюлю с последним запасом горячей воды, которую, если он снова перевернет, придется идти и набирать еще к ручью, я подошла ближе и опустилась на колени. Запихнула в нее чистую тряпку и вытащила.

Он смотрел мне в глаза, своими желтыми углями и выжигал душу изнутри. Вообще, у волков тут не всегда были желтые глаза. Они такими становились ночью, днем же они были светлыми, почти прозрачными. Сейчас же он смотрел куда-то вглубь меня, и мне показалось, что меня затягивает в его глаза. Ослепнув на мгновение, я вскоре увидела, как они бегут за моей красной машиной.

Мое сердце стучало так же быстро, как и его, когда он бежал за мчащимся на огромной скорости автомобилем. В какой-то момент я вскинула морду вверх и увидела, как над нами летят вороны. Их я в тот день не помнила.

Тряхнув головой, я, вытолкнула себя из лабиринта его воспоминаний, но воспользовавшись тем, что он пустил меня в свое сознание, я заполнила его собой. Странное ощущение раздвоенности дезориентировало, но я поняла, что он не шевелится. Словно сломанный компьютер с накладывающимися друг на друга картинками, которые спустя некоторое время, начали более плавно сменять друг друга. Я то смотрела на себя его глазами, то смотрела на него своими.

Напряжение росло. Я поняла, что у меня осталось, немного времени, прежде чем мои мозги сварятся. Мир становился черно-белым и вязким. Преодолевая сопротивление, я засунула руку с тряпкой в огненную, но терпимую воду, и не обращая внимание на обжигающую боль, выжала ту и, раздвинув края раны, нырнула ею вглубь.

Его боль в лапе стала и моей. Руку начало сводить, а потом та начала мелко дрожать и дергаться, но я не могла позволить себе остановиться, потому что второго шанса у нас могло и не быть. До боли прикусив внутреннюю сторону щеки, я раздвигала пальцами края раны и, заливая лицо слезами, промывала рану, забираясь как можно глубже, чтобы не оставить бактериям ни единого шанса. Если я промахнусь, если рана загноится и останется хоть один плохо обработанный участок, все будет насмарку.

Когда на тряпке после очередной обработки больше не осталось грязи, ткань была чистой, я, наконец, рвано выдохнула и, отложив тряпку, посмотрела на стоящую поодаль чашу с золой. Предстоял самый тяжелый этап...хотелось дать нам обоим время на передышку, но у нас его не было.

Я едва удерживала фокус внимания. Пот струился по лицу, заливая глаза и туника на спине прилипла к коже. Скорее всего, когда я начну обработку золой, мне потребуются все силы, которые у меня остались, чтобы сдержать его, но сил не было, осталось одна надежда и цель.

Времени искать чистую воду у меня не было, а пить очень хотелось, во рту все пересохло, потому отпила от той воды, что осталась в кастрюле. Убрала тыльной стороной ладони волосы со лба и обтерла пот. А потом, повернувшись к волку спиной, так чтобы прижать его, насколько это возможно к стене, уперлась босыми ногами в пол, в небольшую выемку, в просевшем бревне, так чтобы сильнее упереться ногами.

- Господи помоги... - Пробормотала я, набирая в руку золы и ныряя пальцами как можно глубже, потому что потом он мне не дастся.

Секунду и до него дошла сжигающая живую плоть боль. Словно делая вдох перед прыжком, оглушенный он замер на мгновение, а потом забился с такой силой, что меня едва не отбросило к двери. Пришлось навалиться на него всем телом. Он хрипел и рычал. Попытался броситься на меня, но не смог, я удержала его, нырнув не только в его рану как можно глубже, но и в него самого, и, как только я это сделала, шоковая боль охватила и меня. Причем мне показалось, что не только рука моя горит, а я вся живьем горю.

Руку мгновенно свело так, что запястье согнулось, а кожу запекло, словно кто-то лил на нее кипяток не переставая. Глаза мгновенно заволокло слезами. Захотелось закричать, да так сильно, что я почувствовала, как напрягается шея от рвущегося из груди крика, пришлось открыть рот в беззвучном крике, чтобы пережить разделенный на двоих приступ боли.

Волк подо мной перестал так яростно сопротивляться. Видимо, часть его боли, я взяла на себя, и ему стало легче.

Как только ко мне вернулась способность соображать, я обнаружила, что чашка с золой опрокинута и все рассыпано по полу, но рядом с нами была небольшая горка. Пришлось использовать ее, потому что я не была уверена, что смогу встать на ноги и уж тем более подойти

к печи и собрать подходящую золу без лишнего мусора, к тому же наврядли притихший волк, предоставит мне еще один шанс, снова сунуться к нему, как только я отойду.

Взяв щепотку золы, я снова нырнула в рану. Снова ослепляющая вспышка боли, я словно не золу ему туда сыпала, а раскаленный песок в нашу общую рану. По лицу градом тек пот. Я слышала, как в ушах стучит сердце. Слизнув соленый пот с губ, я снова взяла золу. Рубаха на мне была уже вся мокрая, как и волк подо мной весь вспрел и явно устал. В какой-то момент он перестал так остро реагировать, и я почти привыкла к этой боли.

Наконец, мне показалось, что я обработала все, что смогла. Довериться этому ощущению я не могла, потому еще раз проверила все участки раны, все карманы. На мгновение стало страшно, что я что-то забыла... а вдруг? По лицу то ли от усталости, то ли от боли и страха, а, возможно, от всего вместе, снова побежали слезы. Вдруг мой волк умрет? Вдруг я что-то упустила?

Мучая и его, и себя, я собрала, сколько смогла золы и снова нырнула пальцами в рану. Заставляя заплывающие слезами глаза таращиться в рану и искать необработанные участки. Волк тихо и жалобно завыл, но больше не дергался. За стеной отозвалась стая, и нам обоим стало легче. Я даже подумала, почему мы раньше этого не сделали.

- Все... все, все... я все обработала... слава богу... - Шептала я сама себе и, наверное, волку. - Самое сложное позади. Теперь нужно перебинтовать.

Обтерев лицо рукавом, я снова оглянулась вокруг. Дом был похож на свалку. Все тряпки валялись, где зря. То, что я приготовила, как бинты, испачкалось и намокло, потому что свалилось с опрокинутого стола. Туника на мне была вся в шерсти и поту. Взгляд нехотя остановился на единственной нетронутой вещи. Самой моей красивой и чистой тунике, висевшей под потолком. Я носила ее редко, потому что берегла, больше всех вещей, которые у меня были. Я постирала ее вчера, и она до сих пор висела на веревке.

У нее были тоненькие рюшки по краю воротника и манжетов, а еще едва заметная вышивка на плечах. Не цветная, белая, и видно ее было, только если стоять рядом и смотреть на плечи. Я любила подолгу разглядывать эту вышивку, гадая, чьих она рук и почему этот кто-то вышил цветы, которые видно только тому, кто близко и тому, кто вглядывается?

Мозг лихорадочно метнулся к юбкам в сундуке и старым штанам, но также лихорадочно отменил их. Прикрыв на мгновение глаза, я собрала волю в кулак, поднялась на ноги, волк сразу вскинул голову.

- Лежи!

Стянув ее с веревки, я дала себе несколько коротких мгновений, а, потом опережая сомнения, разодрала ее на длинные лоскуты. Глаза снова защипало, но сцепив зубы, я задавила это в себе и взяв многострадальную лапу, наконец, перевязала её, ощущая горечь, радость и облегчение одновременно.

Появилось короткое искушение наложить шину попозже, но я отменила эту малодушную мысль. Нужно довести начатое до конца, благо палки для шины я подготовила заранее и, те валялись возле печи.

С шиной тоже пришлось повозиться, руки дрожали, и у меня все никак не получалось правильно установить шину, хотя волк к этому времени не сопротивлялся и явно собрался спать, но из-за своего желания причинить ему как можно меньше боли, я не сразу установила нормально шину. В итоге, когда я, наконец, это сделала, сил у нас двоих не осталось никаких.

Цепи с его морды я стягивала с таким облегчением, словно с собственного лица их снимала. Дав ему попить из того, что осталось в одной из чашек, я влила в себя остатки из кувшина и не стала больше делать ничего, даже подниматься на ноги не стала, а просто легла рядом с ним, и мы мгновенно отключились, нырнув в сны друг друга. В светлые, светлые сны. С бескрайними полями, где восходит заря и свободно летают птицы, а свежий воздух дрожит в предвкушении нового дня.

Я бежала с ним босыми ногами по зеленой, мягкой траве, и я же бежала с ним, пружиня лапами по земле, а потом птицей металась вокруг него, взмывая вверх и падая вниз. Он скалил пасть и в шутку пытался поймать меня, пока мы не добежали до дерева и не нырнули вдвоем в одну и ту же воду и там, среди корней, наконец, наступил покой, словно мы вернулись в одно на двоих гнездо.

Глава 6

Нужно было встать и проверить лапу, но почему-то не выходило разлепить глаза, а потом, находясь между сном и явью, я почувствовала, что лицо горячее. Температура. Ее я заподозрила еще и потому, что снова хотелось плакать и свернуться клубком. Было плохо.

Возможно, от стресса, организм взбрыкнул и подскочила температура, а с нею слабость и ломота во всем теле, так, словно по мне грузовик проехался. Я то просыпалась, то, балансируя на грани реальности, снова проваливалась в муторный, беспокойный сон.

Глаза я не разлепила, даже когда почувствовала шершавый язык на своем лице, который за раз лизнул меня от щеки до макушки, после него появился сухой теплый нос. Сухой, теплый нос...

Протянув руку, нащупала мохнатую морду, в пространстве рядом с собой и сама уже потрогала нос. Сухой и теплый. Так не должно быть. Пришлось открыть глаза.

На меня смотрели желтые волчьи глаза. Приподнявшись на руках, я села и потрогала свой лоб. Горячий. Тело болело и от пола твердого, достаточно холодного и от температуры. Меня вообще знобило. Хотелось пить и во что-нибудь теплое завернуться и спать, а в идеале сухую чистую простыню, пододеяльник, подушечки и тяжелое одеяло, но, увы, у меня только шкура медвежья, старые шмотки и хорошая компания.

- Надо лапу твою проверить. – Сказала я поднимаясь и не желая трогать его лапу, у меня совсем не было сил на еще одну потасовку. Озноб лихорадил тело, но лапу нужно проверить и если потребуется еще раз обработать.

Волк всхрипнул, облизался и отвернулся. Распустив развалившуюся косу, заплела ее наспех снова и, ёжась, на деревянных ногах и ватных коленках, дошла до печи. За ней в сундуке нашла одну из старых рубаш, достаточно грязных и поношенных, но плотных за счет грубой ткани из-за чего та была достаточно теплая.

Вообще, я была такая грязная, что мне приходилось прилагать усилия, чтобы меня не передергивало от отвращения к самой себе. Растопила печь, собрала посудины для воды и распахнула дверь, собираясь идти к ручью, но вместо этого застыла на пороге, потому что вся пернато-мохнатая живность сидела у порога и сразу же засунула свои любопытные головы в избу.

Вообще, когда я их увидела, только что проглоченный комок слез, подпрыгнул из груди, обратно в горло. Мне показалось, что у меня здесь все же есть семья. Вот такая странная, дикая, но моя. Я вышла на пороги и обняв подошедшую волчицу, спрятала лицо и слабость в ее теплую белую шерсть.

Кто-то из ворон, приземлился мне на плечо, кто-то взялся драться за место на макушке. Ощущение нелепости происходящего, развеяло тучи в груди. Почесав одной из ворон бочок, согнала остальных и забралась к присевшей волчице на спину. Она довезла меня до ручья, я набрала воду и обратно, вытирая грязным рукавом слезы благодарности и какой-то щемящей нежности к ним ко всем, тоже добралась на ней, едва не облившись той водой, которую везла.

Кто-то из волков забрался в дом и пытался помочь товарищу высвободить лапу из оков.

- Ага, вас о помощи просили. Помощнички. – Проворчала я, отпихивая волков от их пострадавшего приятеля. – Идите ка вы отседова, пока я вам хвоста не накрутила.

Не все сразу вышли, кое, кто попытался забраться за печь и оттуда, видимо, оказывать моральную поддержку собрату.

- Ну да! Конечно! Для тебя я там чистые тряпки выстирала! Чтобы ты лапами своими грязными по ним прошелся! – Возмутилась я на мохнатого увальня. – А ну брысь, отсюда! Еще печь мне ща разнесешь!

Волки вышли, но не ушли, легли у двери, пристроив головы на пороге. Хотелось продолжать ворчать и сказать им, что им тут не гнездо и не нора, но я прикусила язык, потому что от их присутствия становилось легче.

Разогрев воду и подготовив остатки чистой туники для перевязки, я села рядом с волком. Сердце в груди сжималось от страха, что под повязкой все будет плохо. Стало так неожиданно страшно, что в глазах снова защипало. Я вдруг ясно осознала, что если хоть с одним из волков что-то случится, я этого не переживу. Это неожиданное открытие застало мне врасплох в самый неподходящий момент. Удивительно. Я сама не заметила, как приросла к своим волкам.

Втянув соплю, я развязала узлы на шине и освободила лапу.

- Ты только не двигайся, ладно? – Разговаривала я с ним. Почему-то не хотелось шипеть и командовать, почему-то теперь мне казалось, что он лучше понимает меня. – Я сейчас посмотрю там и если все хорошо, ничего делать не буду.

Волк дернул ухом. Бинт на лапе немного присох, пришлось смочить его и осторожно отсоединить. С замиранием сердца я убирала ткань, боясь увидеть воспаление и гной. Пока глаза судорожно метались вдоль поджившей, немного припухшей раны, с черной трещиной рубца, сердце не стучало. Лапа кое-где была влажной, но без сладковатого запаха.

Пока я нюхала лапу, разглядывая ее со всех сторон, заметила одну из ворон, подошедшую близко и с любопытством смотрящую на меня и на лапу. По первым признакам рана выглядела неплохо. Я выдохнула.

- Кажется, он в порядке. – Пояснила я вороне, та запрыгнула ко мне на колено, и я погладила ее тыльной стороной ладони, так чтобы не трогать руками, пока те чистые, мне еще предстоит обработать рану.

Убрав сухой тканью сукровицу, я решила все же присыпать в одном месте, где отошла корка золой. Совсем чуть-чуть.

- Я подую! Только не дергайся! – Пообещала я, занервничавшему волку.

Едва присыпав рану, я начала изо всех сил дуть и, возможно, озадачила волка, потому что тот перестал елозить и вскоре подсунул мне под плечо свою голову здоровенную, чтобы я его погладила.

- Молодец, молодец.

У меня оставалось кое, какое мясо, я предложила его волку, но тот не захотел есть. Я его понимала. Мне тоже не хотелось. Только пить. Отдала мясо птицам. Напоила его, заварила себе чай из трав и после того, как рана немного подсохла, снова забинтовала ее и наложила шину.

Подтащив медвежью шкуру, я улеглась рядом с задремавшим волком и, накрывшись черным плащом, отключилась. Меня снова зазнобило и, наверное, поднялась температура, но рядом с ним было легче. Теплая шерсть, размеренное дыхание и стук сердца. Уже почти заснув, я почувствовала копошение вокруг меня, кто-то из волков пристраивался рядом и, так как, места в избе было очень мало, ему это с трудом удавалось, но еще один волк явно влез, втиснувшись между мной с пациентом и печью.

Птицы в этот раз не стали устраивать истерику и, пробежавшись по волкам, которые относились к ним теперь терпеливее, пристроились рядом, одну я точно чувствовала на своей макушке, с которой та сползала, скользя по голове своими лапками. Я даже в какой-то момент начала раздражаться, потому что у той все не получалось нормально устроиться, но в итоге она перестала возиться, до того как я разозлилась и согнала ее с волка и своей головы.

Таким нехитрым способом, под плащом, облепленная живностью со всех сторон я так согрелась, что пропотела. Сон, правда, был урывками. Я то просыпалась, то снова засыпала. Живность сменяла друг дружку на посту. В основном у птиц была передислокация. Благодаря тому, что дверь была открыта, прохладный вечерний воздух, немного поубавил жары в нашем гнезде.

Когда я проснулась среди ночи, шевелиться не хотелось, на порогах лежала волчица, поднявшая голову, как только я открыла глаза и посмотрела на меня. Я чувствовала, что скоро снова засну, но пока этого не случилось, смотрела на нее, думая о том, какая она красивая и какая вообще вокруг волшебная красота.

Та птица, что вила мне гнездо на голове, тоже, видимо, проснулась и сползла мне на плечо, оцарапав немного шею. Перехватив ее, чтобы она не прыгала мне по шее, царапая еще и ее, я приподняла немного свое «покрывало» из плаща и пустила ее под него. Та с охотцей забралась внутрь и, устроившись снова поудобнее, оставила снаружи только голову.

Борясь со сном, я думала о Владе. О том, были ли у нее такие же моменты единения с птицами. На мой вопрос, в голове вспышками высвечивались смутные воспоминания, чем младше она была, тем чаще в них был отец, но с возрастом, семью заменили птицы. Странное, непонятное отчуждение, сквозило в тех воспоминаниях.

Внимание с воспоминаний Влады, переместилось на пресловутые бытовые удобства, которые ей были доступны. Как современный человек, я смотрела на них свысока, вспоминая теплую воду из крана и горячий душ, а еще микроволновки и чайники, но прожив в лесу, мне теперь было чему позавидовать.

Особую тоску вызывала ее кровать, прохладные белые простыни, по краям расшитые защитной, обрядовой вязью. А еще подушки и тяжелое одеяло. Шторы на окнах, балдахин. За ширмой, металлический кувшин, я помню его изогнутый носик и таз. Для меня, человека современного, это прошлый век, но для меня же, одичавшей тут, словно, Робинзон Крузо теперь это роскошь. Металлический кувшин! Его же нагреть можно...

А еще сундук, полный рубашек, не знаю, как они назывались, но выглядели они как бабулины ночнушки. Длинною в пол, белые, рукав длинный. Облачаясь каждую ночь в них, она напоминала мне немного молодую старушку или актрису из фильма звонок, но сейчас, лежа в своем мохнато-пернатом гнезде, я думала о том, как это потрясающе, спать в чистой льняной ночнушке, на таких же чистых простынях. Без чьей-нибудь лезущей в рот шерсти. Красота.

А еще гребни для волос, зеркало, свечи, мыло... ковры и гобелены. Может быть, стоит дойти до развалин замка и поискать там, что-нибудь среди камней, но одна только мысль об этом, сжимала сердце в кулаке. К горлу подступал ком слез, который трудно было запихнуть обратно. Не знаю, чьи это были слезы, ее, мои или наши, но думать о замке, о том, что он мертв и от него остались одни лишь руины, я себе запрещала.

Я хотела пойти туда почти каждый день, но в итоге находила множество причин, чтобы не идти. Сердце болело. Я говорила себе, что это не моя боль, не моя тоска, что она ее или другой меня... я не знаю... в любом случае ничего не помогло. Тоска, словно упрямый ребенок из раза в раз, брала меня за руку и вела в воспоминаниях к нему.

Это был её, мой, наш дом...и его крепкие каменные стены, казались незыблемыми. Видеть их руины, это все равно, что рану на сердце присыпать золой.

Глава 7

Нужно было встать и проверить лапу, но почему-то не выходило разлепить глаза, а потом, находясь между сном и явью, я почувствовала, что лицо горячее. Температура. Ее я заподозрила еще и потому, что снова хотелось плакать и свернуться клубком. Было плохо.

Возможно, от стресса, организм взбрыкнул и подскочила температура, а с нею слабость и ломота во всем теле, так, словно по мне грузовик проехался. Я то просыпалась, то, балансируя на грани реальности, снова проваливалась в муторный, беспокойный сон.

Глаза я не разлепила, даже когда почувствовала шершавый язык на своем лице, который за раз лизнул меня от щеки до макушки, после него появился сухой теплый нос. Сухой, теплый нос...

Протянув руку, нащупала мохнатую морду, в пространстве рядом с собой и сама уже потрогала нос. Сухой и теплый. Так не должно быть. Пришлось открыть глаза.

На меня смотрели желтые волчьи глаза. Приподнявшись на руках, я села и потрогала свой лоб. Горячий. Тело болело и от пола твердого, достаточно холодного и от температуры. Меня вообще знобило. Хотелось пить и во что-нибудь теплое завернуться и спать, а в идеале сухую чистую простыню, пододеяльник, подушечки и тяжелое одеяло, но, увы, у меня только шкура медвежья, старые шмотки и хорошая компания.

- Надо лапу твою проверить. – Сказала я поднимаясь и не желая трогать его лапу, у меня совсем не было сил на еще одну потасовку. Озноб лихорадил тело, но лапу нужно проверить и если потребуется еще раз обработать.

Волк всхрипнул, облизался и отвернулся. Распустив развалившуюся косу, заплела ее наспех снова и, ёжась, на деревянных ногах и ватных коленках, дошла до печи. За ней в сундуке нашла одну из старых рубаш, достаточно грязных и поношенных, но плотных за счет грубой ткани из-за чего та была достаточно теплая.

Вообще, я была такая грязная, что мне приходилось прилагать усилия, чтобы меня не передергивало от отвращения к самой себе. Растопила печь, собрала посудины для воды и распахнула дверь, собираясь идти к ручью, но вместо этого застыла на пороге, потому что вся пернато-мохнатая живность сидела у порога и сразу же засунула свои любопытные головы в избу.

Вообще, когда я их увидела, только что проглоченный комок слез, подпрыгнул из груди, обратно в горло. Мне показалось, что у меня здесь все же есть семья. Вот такая странная, дикая, но моя. Я вышла на пороги и обняв подошедшую волчицу, спрятала лицо и слабость в ее теплую белую шерсть.

Кто-то из ворон, приземлился мне на плечо, кто-то взялся драться за место на макушке. Ощущение нелепости происходящего, развеяло тучи в груди. Почесав одной из ворон бочок, согнала остальных и забралась к присевшей волчице на спину. Она довезла меня до ручья, я набрала воду и обратно, вытирая грязным рукавом слезы благодарности и какой-то щемящей нежности к ним ко всем, тоже добралась на ней, едва не облившись той водой, которую везла.

Кто-то из волков забрался в дом и пытался помочь товарищу высвободить лапу из оков.

- Ага, вас о помощи просили. Помощнички. – Проворчала я, отпихивая волков от их пострадавшего приятеля. – Идите ка вы отседова, пока я вам хвоста не накрутила.

Не все сразу вышли, кое, кто попытался забраться за печь и оттуда, видимо, оказывать моральную поддержку собрату.

- Ну да! Конечно! Для тебя я там чистые тряпки выстирала! Чтобы ты лапами своими грязными по ним прошелся! – Возмутилась я на мохнатого увальня. – А ну брысь, отсюда! Еще печь мне ща разнесешь!

Волки вышли, но не ушли, легли у двери, пристроив головы на пороге. Хотелось продолжать ворчать и сказать им, что им тут не гнездо и не нора, но я прикусила язык, потому что от их присутствия становилось легче.

Разогрев воду и подготовив остатки чистой туники для перевязки, я села рядом с волком. Сердце в груди сжималось от страха, что под повязкой все будет плохо. Стало так неожиданно страшно, что в глазах снова защипало. Я вдруг ясно осознала, что если хоть с одним из волков что-то случится, я этого не переживу. Это неожиданное открытие застало мне врасплох в самый неподходящий момент. Удивительно. Я сама не заметила, как приросла к своим волкам.

Втянув соплю, я развязала узлы на шине и освободила лапу.

- Ты только не двигайся, ладно? – Разговаривала я с ним. Почему-то не хотелось шипеть и командовать, почему-то теперь мне казалось, что он лучше понимает меня. – Я сейчас посмотрю там и если все хорошо, ничего делать не буду.

Волк дернул ухом. Бинт на лапе немного присох, пришлось смочить его и осторожно отсоединить. С замиранием сердца я убирала ткань, боясь увидеть воспаление и гной. Пока глаза судорожно метались вдоль поджившей, немного припухшей раны, с черной трещиной рубца, сердце не стучало. Лапа кое-где была влажной, но без сладковатого запаха.

Пока я нюхала лапу, разглядывая ее со всех сторон, заметила одну из ворон, подошедшую близко и с любопытством смотрящую на меня и на лапу. По первым признакам рана выглядела неплохо. Я выдохнула.

- Кажется, он в порядке. – Пояснила я вороне, та запрыгнула ко мне на колено, и я погладила ее тыльной стороной ладони, так чтобы не трогать руками, пока те чистые, мне еще предстоит обработать рану.

Убрав сухой тканью сукровицу, я решила все же присыпать в одном месте, где отошла корка золой. Совсем чуть-чуть.

- Я подую! Только не дергайся! – Пообещала я, занервничавшему волку.

Едва присыпав рану, я начала изо всех сил дуть и, возможно, озадачила волка, потому что тот перестал елозить и вскоре подсунул мне под плечо свою голову здоровенную, чтобы я его погладила.

- Молодец, молодец.

У меня оставалось кое, какое мясо, я предложила его волку, но тот не захотел есть. Я его понимала. Мне тоже не хотелось. Только пить. Отдала мясо птицам. Напоила его, заварила себе чай из трав и после того, как рана немного подсохла, снова забинтовала ее и наложила шину.

Подтащив медвежью шкуру, я улеглась рядом с задремавшим волком и, накрывшись черным плащом, отключилась. Меня снова зазнобило и, наверное, поднялась температура, но рядом с ним было легче. Теплая шерсть, размеренное дыхание и стук сердца. Уже почти заснув, я почувствовала копошение вокруг меня, кто-то из волков пристраивался рядом и, так как, места в избе было очень мало, ему это с трудом удавалось, но еще один волк явно влез, втиснувшись между мной с пациентом и печью.

Птицы в этот раз не стали устраивать истерику и, пробежавшись по волкам, которые относились к ним теперь гораздо терпеливее, пристроились рядом, одну я точно чувствовала на своей макушке, с которой та сползала, скользя по голове своими лапками. Я даже в какой-то момент начала раздражаться, потому что у той все не получалось нормально устроиться, но в итоге она перестала возиться, до того как я разозлилась и согнала ее с волка и своей головы.

Таким нехитрым способом, под плащом, облепленная живностью со всех сторон я так согрелась, что пропотела. Сон, правда, был урывками. Я то просыпалась, то снова засыпала. Живность сменяла друг дружку на посту. В основном у птиц была передислокация. Благодаря тому, что дверь была открыта, прохладный вечерний воздух, немного поубавил жары в нашем гнезде.

Когда я проснулась среди ночи, шевелиться не хотелось, на порогах лежала волчица, поднявшая голову, как только я открыла глаза и посмотрела на меня. Я чувствовала, что скоро снова засну, но пока этого не случилось, смотрела на нее, думая о том, какая она красивая и какая вообще вокруг волшебная красота.

Та птица, что вила мне гнездо на голове, тоже, видимо, проснулась и сползла мне на плечо, оцарапав немного шею. Перехватив ее, чтобы она не прыгала мне по шее, царапая еще и ее, я приподняла немного свое «покрывало» из плаща и пустила ее под него. Та с охотцей забралась внутрь и, устроившись снова поудобнее, оставила снаружи только голову.

Борясь со сном, я думала о Владе. О том, были ли у нее такие же моменты единения с птицами. На мой вопрос, в голове всплывали выцветшие смутные воспоминания, чем младше она была, тем чаще в них был отец, но с возрастом, семью заменили птицы. Странное, непонятное отчуждение, сквозило в тех воспоминаниях.

Внимание с воспоминаний Влады, переместилось на пресловутые бытовые удобства, которые ей были доступны. Как современный человек, я смотрела на них свысока, вспоминая теплую воду из крана и горячий душ, а еще микроволновки и чайники, но прожив в лесу, мне теперь было чему позавидовать.

Особую тоску вызывала ее кровать, прохладные белые простыни, по краям расшитые защитной, обрядовой вязью. А еще подушки и тяжелое одеяло. Шторы на окнах, балдахин. За ширмой, металлический кувшин, я помню его изогнутый носик и таз. Для меня, человека современного, это прошлый век, но для меня же, одичавшей тут, словно, Робинзон Крузо теперь это роскошь. Металлический кувшин! Его же нагреть можно...

А еще сундук, полный рубашек, не знаю, как они назывались, но выглядели они как бабулины ночнушки. Длинною в пол, белые, рукав длинный. Облачаясь каждую ночь в них, она напоминала мне немного молодую старушку или актрису из фильма звонок, но сейчас, лежа в своем мохнато-пернатом гнезде, я думала о том, как это потрясающе, спать в чистой льняной ночнушке, на таких же чистых простынях. Без чьей-нибудь лезущей в рот шерсти. Красота.

А еще гребни для волос, зеркало, свечи, мыло... ковры и гобелены. Может быть, стоит дойти до развалин замка и поискать там, что-нибудь среди камней, но одна только мысль об этом, сжимала сердце в кулаке. К горлу подступал ком слез, который трудно было запихнуть обратно. Не знаю, чьи это были слезы, ее, мои или наши, но думать о замке, о том, что он мертв и от него остались одни лишь руины, я себе запрещала.

Я хотела пойти туда почти каждый день, но в итоге находила множество причин, чтобы не идти. Сердце болело. Я говорила себе, что это не моя боль, не моя тоска, что она ее или другой меня... я не знаю... в любом случае ничего не помогло. Тоска, словно упрямый ребенок из раза в раз, брала меня за руку и вела в воспоминаниях к нему.

Это был её, мой, наш дом...и его крепкие каменные стены, казались незыблемыми. Видеть их руины, это все равно, что рану на сердце присыпать золой.

Глава 8

Всю ночь мне снилось, что я обворовываю чужие дома. Залезаю через окна или приоткрытые двери и шарюсь по чужим вещам. Это были другие дома, не те, что мне снились в кошмарах. Эти дома были живыми и теплыми. В них были дети и взрослые, там пахло едой и пирогами.

Дома были, с одной стороны, похожи друг на друга, а с другой, у каждого была своя уникальность. Чем-то они мне напоминали наши дачи. Маленькие, но уютные. Своими руками обустроенные и слепленные по эскизу причудливо фантазии хозяина, которая отталкивалась от его возможностей.

С любопытством ребенка и с его детским непосредственным коварством я шарилась во сне по чужим вещам и что-то одно уносила с собой. Меня злило, что нельзя взять все, что мне хочется, но больше одной вещи выпадало из рук. Поэтому сначала я украла таз, в другом доме кувшин. Котелок на огонь оказался очень тяжелым, хотя казался небольшим, но поднатужившись, я и его умыкнула.

Какая-то крупинка совести, ее едва слышный голос взывал ко мне из глубин марианской впадины, то есть даже во сне я в целом помнила, что так делать нельзя, но почему-то мне это правило казалось какой-то незначительной ерундой, которую я легко выбросила из головы и продолжила обносить дома.

Потом я добралась до домов побогаче, в них обнаружилось много всего блестящего, и это привело меня в какой-то неопиcуемый восторг. Я надевала на пальцы кольца, обвешивалась ожерельями и, натягивая на себя дорогие тяжелые платья, крутилась возле чужих зеркал, блестя всем блестящим, что смогла найти и на себя надеть.

Было так смешно и весело, что проснулась я в итоге от каркающего смеха, с четким ощущением тяжелых колец на пальцах, но сон окончательно слетел, когда я не смогла нащупать этих колец на пальцах. Несмотря на то что я не сказать, чтобы любила украшения, тем не менее, стало так обидно и горько, что я едва не закричала, но потом до меня, наконец, дошло, что это сон.

Но была и хорошая новость, после воровства чужой собственности во сне, чувствовала я себя удивительно хорошо. М-да, стоило бы задуматься о некоторых качествах своей личности. В любом случае, что бы там ни было, это просто сон, предстояло встать, позавтракать, проверить волка и определиться с тем, куда я пойду мыться к «вечному озеру», так я его прозвала или в естественные ванны, но до них добираться дольше.

Метаясь между двумя вариантами, я потрогала тыкающийся мне в макушку волчий нос, тот был холодным и мокрым, это подбросило настроение еще выше, и я даже не стала злиться, когда мне вместе с щекой облизнули еще и ухо. Стерев рукавом слюни, я сладко потянулась, выгибаясь в дугу на волчьем боку, и, наконец, прислушалась к странным звукам, доносящимся с улицы.

Из открытой двери все пространство избы заливали солнечные лучи, благодаря тому, что вороны развалили мой самодельный козырек, тенька теперь снова не было. Из-за яркого солнца я не сразу разглядела, что там на улице, но когда раздался особенно громкий хлопок, поднялась на ноги и дойдя до двери, застыла. В метре от меня валялся ковер.

Я засомневалась, что я проснулась. Не веря тому, что это настоящий ковер, и боясь спугнуть видение, я, словно волк на охоте подкралась к коврику, вдруг он улетит, если я сразу рухну на него и, подойдя ближе, осторожно потрогала его.

- Ковер... Это что ковер?! – Спросила я сама у себя, не веря в то, что щупаю настоящий ковер, а потом я подняла взгляд выше и челюсть моя окончательно отвалилась. Вся поляна

перед домом была завалена тряпками, а что-то не приземлившись на землю, болталось на ветвях. – Боже святые, это что...это...откуда...

Я не могла поверить собственным глазам, но вороны продолжали прилетать и что-то приносить, бросая это на землю. На макушку мне приземлился тяжеленный перстень, размером мне разве что на большой палец ноги, если бы не удар от него, пришлось бы себя уцепить на всякий случай.

- Уй! – Потерев макушку, я забралась поцарапанными коленками на ковер и уставилась вокруг, продолжая созерцать множество, множество, разных вещей. Приковылял мой пациент, отвлекшийся от разгрызания шины, и попытался улечься своей линяющей задницей на ковер. – Нет уж нет! – Я похлопала по траве рядом. – Иди сюда.

Волк недовольно всхрапнул, но в итоге улегся туда, куда я ему указала, но так, что едва меня под собой не похоронил, пришлось из-под него выбираться и чесать ему бочок, на котором я полночи провалялась. После бочка пришлось перейти на подпихиваемую под руку морду и там все тщательно почесать, и только после этого я, наконец, переключилась на вещи и на проснувшуюся совесть.

- То есть вы обнесли чужие дома? – Спросила я у вороны, держащей в клюве жемчужное ожерелье. Зачем оно мне тут не известно, но почему ворона его притащила, я понимала. – Вам должно быть стыдно. – Сказала я, не чувствуя тем не менее стыда ни за них, ни за себя. Точнее, мне было стыдно, за то, что мне не стыдно.

Терзания совести мучили меня недолго, их вытеснил восторг от количества вещей. Подбирая их, я думала о том, что у них есть хозяева, то есть где-то все же есть люди! Они где-то есть! Кого-то же мы обворовали! Значит, этот кто-то, есть.

Прижимая к себе платье и кружась, вместе со мной кружилась голова от мысли, что это не какая-то бредовая, моим умирающим мозгом выстроенная реальность, в которой я заперта одна, да даже если это такая реальность, в ней все же есть люди! Судя по фасонам вещей, люди эти не очень современные, но это явно не пещерные времена. Хотя как они могут быть пещерными, если Влада тут жила в примерно средневековой культуре.

Собрав все, что смогла с земли и сложив это все на покосившуюся веранду, я прихватила металлический таз и такой же кувшин, и полюбовавшись ими, побежала за водой в ручей. Еще направляясь к нему, я не знала, хочу ли я нагреть воду и помыться или просто ополоснуться ледяной водой из ручья.

Бежать к озеру или к ваннам я решительно передумала, руки чесались взяться за вещи и очень уж хотелось побыстрее расправиться с гигиеной, но после температуры, лезть в ледяную воду тоже не хотелось, мало ли снова поднимется.

Раздираемая противоречащими друг другу желаниями, я добежала до ручья, там тоже нашлась парочка вещей, среди которых оказался жестяной ящичек с мылом. Открыв его, я не сразу поняла, что это такое, потому что мыло выглядело не как брусок, а как масло в квадратной масленке, но запах подсказал, что к чему, и первая попытка с помощью этой штуки помыть руки, подтвердила подозрение. Это было вот такое мягкое мыло! Я прослезилась, а потом и вовсе села у ручья и заревела в голос. Дожила...радуюсь чьему-то мылу, которым человек до меня неизвестно что натирал, да раньше меня бы вывернуло от отвращения, пользоваться чужими гигиеническими предметами, теперь же я была счастлива, что они у меня вообще есть!

Слезная пятиминутка быстро завершилась, я опустила находку под воду, на всякий случай промыла ее, мало ли там осталось что-то от прежнего хозяина и не удержавшись, все же решила мыться в ледяном ручье. Даже если заболею, болеть буду чистой.

- Ну? – Зыркнула я зло на собирающихся волков. – Что приперлись? Дайте мне без ваших гляделок помыться!

Вообще, на ворон мне было в целом все равно, они были для меня как часть меня, часть с которой я все никак не могла договориться, но волки хоть и были частью моей стаи, мне не нравилось расхаживать при них голой.

- Брысь отсюда!

Запустив в одного из волков небольшим камешком, я разогнала их и взялась судорожно натираться мылом и стирать все с кожи. Мне кажется, с меня несколько слоев грязи сошло и ко всему прочему кожу не стягивало и не сушило так сильно, как после того, что я самостоятельно намесила для помывки.

Предстояло еще и волосы помыть, но для этого все же теплая вода мне была нужна, поэтому их я просто переплела. Прикрывая попу тазиком, а грудь не надетыми вещами, я побежала домой.

- Ах вы!!! – Я вытаращилась на развалившихся всем разом на моем ковре волков. Даже волчица туда пристроилась. – Да я вас сейчас, тазом отмудохаю! – Рывкнула я, выронив вещи и перехватив поудобнее кувшин, так чтобы не выронить его, когда начну лупить им волчьи бока.

Лупить никого не пришлось, волки дали деру, как только я закричала.

- Да когда ж вы черти линять закончите?! – Заорала я, увидев, что ковер теперь фактически белый. – Я вас побрею всех! Будете у меня как мопсы лысые! – Я обернулась на своего пациента, тот с достоинством сидел в сторонке, мол, он тут ни при чём. – Ну, лан, ты хороший мальчик! – Сказала я ему и мне кажется, он самодовольно вскинул нос повыше. – Но если ты не отстанешь от бинтов на своей лапе, я и тебя побрею!

Зайдя в дом, я разговаривала с ними вслух, озвучивая процесс поиска кинжала, которым я как раз и планировала осуществить бритье. Не знаю, понимали они мою речь или нет, но волков всех как ветром сдуло. Даже пациент мой ноги унес. Приполз потом только поздно вечером, один единственный. Остальные, видимо, побоялись.

Волки разбежались, осталась я и вороны, и вот с ними я занялась самым своим приятным занятием здесь: сортировкой награбленного и примеркой. Жаль, зеркала не было. Вещей было очень много, помимо одежды мне притащили два одеяла, три покрывала и, к сожалению, только одну простынь, зато три наволочки и несколько полотенец, их я первыми сложила в аккуратную стопочку, дав себе полюбоваться ручной работой.

Ну а дальше пошли платья. Достав самое красивое, я, облачившись заранее в тонкую тунику, приложила платье к себе. Вообще, раньше я бы ничего не надела, предварительно не постирав, но теперь, мне было не до этого.

Мне очень-очень, нужно было зеркало. Закрыв дверь в дом, я подошла к стеклянному окошку, где все же я кое-как, но отражалась и, прижав к себе шикарное бархатное платье, с тяжелой юбкой и плотным корсетом, покрутилась перед зеркалом.

В голове всплыло воспоминание, как Влада, точно так же начала крутиться перед зеркалом, как только появился Алекс. Я видела уже много ее детских воспоминаний, но только сейчас, смотря на них глазами взрослого человека, я поняла, что, вероятно, о том, что дочь, кого-то нашла в лесу, ее родители догадались почти сразу, потому что, помимо того, что она стала наведываться в лес едва ли не каждый день, хотя и раньше там бывало часто, тогда она начала еще и наряжаться.

До появления Алекса, наряды Владе, выбирала мама. Вероятно, это была ее отдушина, и самая первая ссора, ставшая, мне кажется, началом раскола в их отношениях, была связана с платьем. Мама настаивала на том, чтобы Влада надела платье, которое королева давно ждала от портного, а Влада хотела другое, купленное по ее просьбе отцом.

Удивительно, но королева совершенно не хотела уступать еще, по сути, маленькому ребенку, и тот подстать королеве, топая ногами, стоял на своем. Тогда она впервые ударила дочь по лицу. Охваченная не своим ошеломляющим оцепенением, я застыла, прижимая к себе платье. Ногами я стояла на веранде, но все мое сознание, ощущение и восприятие, унеслось

туда, где горячие слезы обиды, бежали по щекам. А потом, не сдержавшись, Влада крикнула маме, что ненавидит ее, и убежала.

Теперь, будучи и сама матерью, я поняла, как глубоко могут ранить эти слова, даже от маленького ребенка. Вероятно королеву это подкосило, потому что больше я не смогла найти воспоминаний, чтобы та помогала дочери выбирать платья, во всяком случае в детстве, потом было несколько смутных воспоминаний, когда уже значительно подросшая Влада приходила за редким советом, но в тот момент в их отношениях появилась первая трещина, которая со временем становилась лишь шире.

Несмотря на драгоценное платье в руках, я не могла остановить показ кинофильма и, прижимая его к себе, опустилась на веранду и, свесив ноги с нее, уставилась в пустоту, досматривая то, что отрывками видела ранее, но до нынешнего момента то, что я видела, ни к каким наблюдениям и выводам меня не подталкивало, сейчас же я смотрела на эти мелкие события другими глазами.

Влада крутилась у зеркала, собиралась и наряжалась, и едва ли только слепой не догадывался, что в лесу есть некто, к кому с такой тщательностью собиралась принцесса. В замке явно переполошились все — от поварихи, собиравшей ребенку корзинку с едой, до короля, пытаясь осторожно выведать у нее, кто ее там в лесу ждет, но Влада словно воды в рот набрала.

Королева требовала, чтобы муж запретил дочери ходить в лес, но ворона не могла запретить вороненку летать, так он ей и ответил, тогда, судя по всему, королева настояла, чтобы король сам узнал, кто там, зашел в лес и вот тут, случилось то, что проложило трещину в отношениях уже с отцом. Лес не пустил короля. Тот, судя по всему, блуждал полдня, но так и не нашел озера и вечного дерева.

Остается только предположить, что испытал отец, лишившись доступа к самому сокровенному, к тому, что делало его исключительным. Ко всему прочему становилось очевидным то, что вороны благоволят к принцессе, и ребенок, со всей своей непосредственностью, совершенно не замечал всех этих тектонических сдвигов, ставших очевидными лишь мне сейчас, когда я взглянула на этот процесс со стороны глазами взрослого, не вовлеченного в эти отношения.

Постепенно все, кроме королевы, привыкли, что Влада уходит. Королева, беспокоясь за честь дочери и её порядочное имя, попросила, чтобы дочь осмотрела повитуха и подтвердила целомудрие. К счастью, Влада не сопротивлялась, правда повторяющаяся процедура ей вскоре надоела и она пообещала уйти в лес, если еще раз к ней придет повитуха. Родители сдались, и все просто ждали, когда из леса появится некто, к кому бегают их дочь.

Ждали Алекса гораздо раньше, никто не думал, что он просидит в лесу с десятков лет, но когда, наконец, до короля дошли слухи, что дочь пытается кого-то устроить на службу, все замерло в ожидании.

Мне всегда казалось, что ее отец, все знал про Алекса, еще до того, как тот вышел из леса, я думала, он видел через ворон, но теперь лично столкнувшись с воронами, я поняла, что у них может быть только один король или королева и Влада, без всякой коронации еще в детстве стала их королевой, соответственно, отец ничего не видел из того, что Влада не хотела показывать. Вероятно, он также понимал, что будет плохой идеей удерживать наделенной большой властью существо в рамках придворного этикета, которым были скованны все, включая короля.

Может быть, не только за свои заслуги Алекс так быстро получил повышение. Расправив складки на платье и развязав на спине шнуровку, я вспоминала, как крутилась в танце перед закованным в доспехи гвардейцем, при этом танцуя с другим, чье лицо, как я его не пыталась вспомнить, так и не появилось сквозь туман памяти. Стало стыдно. Тогда казалось, что никто не догадается о ее чувствах, но только самонадеянность столь юной особы, ослепленной чувствами, не давала увидеть очевидного. Все во дворце знали, по ком она вздыхает.

Когда твоя дочь, главная драгоценность королевства, за которой и так глаз да глаз из-за ее способностей и статуса, крутится в танце в танце с каким-то благородным юношей, в самом нарядном платье, не в центре зала, а в самом его дальнем углу, перед глазами безродного гвардейца, только идиот не догадается в чем дело.

Закрыв пылающее лицо руками, я пристроила локти на колени и выдохнула. Господи, какой кошмар...уши горели, задница тоже. Хотелось сказать, что это не я, это она, но что не говори, стыдно мне было за нас обеих. Кто бы это ни был.

Глава 9

Воспоминания Влада, которые обрушились на меня тогда на озере, промчались перед глазами как кинолента, на ускоренной перемотке, которая, по сути, рассказала мне об одном: Влада — это я.

Тогда я с этим согласилась, теперь я с этим спорила, в любом случае то, что тогда единым пыльным мешком мне приземлилось на голову, я основательно отрефлексировать не успела, потому воспоминания, оставшиеся без каких-либо выводов, периодически возникали перед глазами, и я порой проводила какое-то время в оцепенении, вытаращившись в пустоту и досматривая кусок каких-то воспоминаний Влада, а потом думала об увиденном.

Сначала мне казалось, что в том, что происходит, есть смысл, потому что я вижу происходящее с ребенком уже взрослыми глазами и понимаю, где она, по моему мнению, допустила ошибки, что, будучи взрослым, мудрым человеком, конечно, поступила бы иначе, но недавно, я поймала себя на том, что Влада, была такой же избалованной и испорченной, как и Влад.

Мне показалось, что меня посетило божественное озарение! Может быть, поэтому неслучайному совпадению, у них одно имя на двоих. Что она, что ее мужская копия, оба вели себя, совершенно отвратительно. Резкие, избалованные, самовлюбленные эгоисты делали лишь только то, что хотели.

Хотя, конечно, Влада не была так уж прям ужасна, она лучше всех знала, что происходит за стенами замка. Именно с ее появлением, обстановка в королевстве стала спокойнее, особенно для женщин и детей. Вороны видели многое и чаще всего приходили на помощь.

Скорее всего, смерть молодой королевы, несмотря на то что она почти не выходила к людям, ее вообще мало кто, кроме Алекса и ворон интересовал, стала для простых людей трагедией, да и Влад, если честно, был очень, очень похож на Алекса. Так что странное совпадение имен, не отвечало на вопрос, почему я похожа на Владу, а Влад на Алекса.

Почему-то, несмотря на то, что я множество раз видела сходство Влада и Алекса, я только сейчас задумалась о том, что между ними есть связь. Это божественное откровение застигло меня врасплох.

- Стоп, стоп, стоп, стоп! – Сказала я застывшему рядом волку. – То есть этот гад, этот абьюзер, газлайтер, эта невоспитанная свинья, там, рядом с моим ребенком и больной матерью, а я тут, в этом одичалом лесу, в ворованных шмотках и туалетом в кустах, обосранная воронами и покусанная комарами, отдуваюсь за наши прошлые грешки?! Да какого х**?!

Я едва не задохнулась от гнева и зло посмотрела на испугавшегося волка.

- Ах ты, скотина! – Зарычалала я на Влада, но так как смотрела я на волка, бедняжка попятился. – Это все он! Это точно он все как-то придумал!

Очень захотелось треснуть кому-нибудь, волка я бы не стала трогать, но тот явно был в этом не уверен, потому припустил от меня как только я сделала шаг в его сторону. Побегав вокруг дома, я успокоилась. Наверяд ли Влад это все устроил. Просто навряд ли... Все тут было слишком странно и сложно, и я знаю, что когда я разбилась, он был в ужасе.

Каким бы говнюком он ни был, он не хотел развода, и, положив руку на сердце, у нас был бы шанс, если бы он попытался найти общий язык с моей мамой, если бы он проявил хоть каплю уважения к ней, возможно, все сложилось бы иначе.

- Но он проявлял, и даже не каплю, а две капли.

- Этого было недостаточно.

- Этого было достаточно, если бы она сама хотела выстроить отношения.

- Она хотела!

- Да ну?

- Да! Она просто через многое прошла! Ей тоже было непросто... плюс возраст. Он должен был это понимать!

- А не из-за своего ли характера, она «через многое» прошла?

Я устала на Владу, которая закинув ногу на ногу, покачивала соскользнувшей с пятки бордовой туфлей, повисшей на ее носке. На ней было длинное черное платье, облегающее ее тело, от шеи и до ступней, без единого декоративного элемента, одни только туфли ярким пятном выделялись в ней. Моя надоедливая галлюцинация, которая появлялась тогда, когда я не хотела слышать собственные аргументы, противоположные одобряемой мной точке зрения.

- Молчишь? – Спросила она, разглядывая веер, который мне притащили вороны.

Я ничего не ответила, дожидаясь, когда она исчезнет, но щелкнувший веер с рисунками в виде масок, распахнулся и прикрыв им лицо, она посмотрела поверх него на меня ехидными, все понимающими глазами. Этот ее все знающий взгляд так раздражал.

Разозлившись, я развернулась и сошла с веранды, обошла дом и снова наткнулась на нее, сидящую на крыше, она помахала мне рукой, потом она же появилась на дереве, а потом оттуда с птичим криком спорхнула ко мне.

- Ну не будь ты такой трусливой... - Пропела она, заходя мне за спину. – Нужно ведь совсем немного смелости и каплю честности, чтобы признаться себе, что все, что он говорил, ты множество раз мечтала сказать сама, именно поэтому ты сначала радовалась и лишь только потом, опомнившись, злилась.

- Я, не... - Веер щелкнул и сложился. Ю плюхнувшись у моих ног. Она исчезла. – Да пошла ты! – Крикнула я в пустоту и обернувшись, застыла.

Старый ворон сидел на земле. Сердце ёкнуло.

- Нет уж, нет! Иди к черту, старый бес! – Рывкнула я и забежала в избу.

Не хватало мне, чтобы из-за него я снова попала, в ту проклятую временную петлю и меня снова протащило за волосы через огонь и воду. Нет уж. Прилетел он, понимаешь! Давно моими нервными клетками не питался, видимо.

- Катись к черту! – Крикнула я из-за запертой двери. – Никуда я с тобой не пойду!

Я настолько не хотела снова в это попасть, что почти перестала ходить к вечному озеру, боясь там снова на что-нибудь нарваться. У меня впервые тут был план! Я решила «настроить» свой коннект с птицами и найти, наконец, реальных людей! А, и выйти из леса! Я буквально загорелась этой идеей и каждый день, до боли в голове пыталась законнектиться как-то с воронами, чтобы с их помощью исследовать лес и найти людей.

Проблема была в том, что раз на раз не приходился, а если мне и удавалось «подключиться» к вороне, я не всегда могла управлять ее действиями, из-за этого изучить местность и найти людей не выходило. Ко всему прочему контакт не всегда происходил по желанию, иногда меня затягивало в него против воли, а иногда все происходило настолько плохо, что у меня потом болела голова, да так сильно, что я на несколько дней выпадала из жизни.

Мне хотелось какую-то кнопку, которая бы в идеале еще и находилась где-то вне меня, нажав на которую я «подключалась» бы к воронам и с помощью джойстика управляла бы ими, но такой не было, все кнопки были внутри и находились они в чувствах и ощущениях, чаще всего не самых приятных.

Все тут было какое-то неправильное и нелогичное! Меня бесило, что все это требовало от меня болезненной чувствительности, которая открывала мой личный ящик Пандоры и такой же, если не больше ящик Влады и все это сваливалось на меня одну.

Нужно было вырваться отсюда любой ценой. Найти людей, пока я окончательно не сошла с ума, но с воронами все шло как-то не так. Несмотря на радость от новых вещей и необычных переживаний, которые у меня, все же случались от контакта с воронами, в мой солнечный мир, словно холодный туман, пробиралась тревога.

Ночами снился все тот же муторный сон с избами, только теперь я в них искала кого-то, и изо дня в день, мой поиск этого кого-то становился все более мучительным и странным. Я просыпалась вся в слезах, с чувством жуткой тоски и тревоги. В какой-то момент я поняла, что эта тоска, эта боль, очень похожа на ту, что я испытывала, стоило мне подумать о сыне, но я испытывала еще и страх, притом что я знала, что сын с мамой, ну или уж на крайний случай с Владом, мне не стоит бояться за него так сильно, как я боялась во сне.

Я дала себе месяц на то, чтобы «подружиться» с воронами, но результата, на который, я рассчитывала изначально, не было, поэтому я решила, что пойду на поиски людей сама, вдоль ручья. До этого я планировала, что с помощью своих пернатых разведчиков, узнаю расположение ближайшей деревни, что-то изучу об этих людях, чтобы не выходить к ним, ничего о них не зная, но план провалился.

Дни шли, а прогресс оставался в фантазиях, в итоге я решила собрать самое необходимое и направиться вдоль ручья, куда-нибудь рано или поздно он меня выведет. Чем просто тут торчать. Я все собрала и сегодня была последняя ночь в избе, в моей уютной и комфортной теперь постельке.

С самого утра все не заладилось. Солнца не было, небо затянуло предгрозовыми тучами, и я даже подумала о том, что возможно стоит отложить свой поход и дожидаться хорошей погоды, но потом я решила, что это все происки ведьмы этой Влады или еще какая бесовщина очередная, поэтому, отбросив сомнения, я, на удивление легко, распрощалась со своим теперь уютным домом и отправилась в путь.

Я планировала идти вдоль ручья, но волки сопровождавшие меня большую часть дня, куда-то делись, и пока я их звала и искала, я сбилась с дороги и потеряла ручей, а потом я поняла, что я не только его потеряла. Муторное, вязкое пространство грязной землей мешалось под ногами. Я так долго шла, что уже забыла, зачем я вообще вышла и куда иду, во мне осталось одно лишь ощущение сосущей, болезненной пустоты в груди, стягивающей всю меня в маленькую черную точку, где-то на дне марианской впадины, докуда не достают солнечные лучи.

Когда, наконец, я увидела дома людей, мне показалось, что это все сон. Что я сплю. Я не поверила собственным глазам, пришлось ущипнуть себя. Нужно было привести себя в порядок, чтобы своим одичалым видом не напугать порядочных местных жителей.

Собирая свои распущенные, разлохмаченные волосы в косу и торопливо вытаскивая из них листву и ветки, я смотрела вперед, сквозь деревья, где слышался детский смех, и улыбалась наконец услышав людские голоса. Оправив и отряхнув грязную юбку, я вышла из леса. Перебралась через ручей, который пролегал по самой границе леса и оказался на удивление глубоким, я вышла к людям.

Я не сразу решилась подойти ближе, придумывая, что скажу им, понимают ли они вообще мой язык. Я снова попыталась осмотреть себя, чтобы убедиться, что не напугаю людей. На мне была белая ночнушка в крови. Тряхнув головой, я вытаращилась на подол черной юбки, в которой вышла из дома и подумала, что я, кажется, действительно сумасшедшая. Мне прикидилось.

Дома обычные, как и все. Где-то мычит корова, кричит петух. Я хотела подойти к ближайшей избе, к самой крайней и там задать вопросы, но долго не решалась, а когда, наконец, собралась с духом, та оказалась заперта. Хозяев не было дома. Нервничая, что приходится идти вглубь, я дошла до следующей избы, дверь была открыта, но на мой голос никто не отзывался.

Я вышла из дома и обернулась, заметив широкое поле и людей в нем. Кажется, все были на работе, стало немного легче. Я решила спросить у бегающих детей.

- Ты не знаешь, где мой сын? – Поймала я одного из мальчишек за руку, но тот, не обратив на меня внимания, вырвал руку и побежал дальше.

Я подошла к еще одному, босоногому пацаненку.

- Ты не знаешь, где мой сын? – Но и он пронесся мимо.

- А ты не знаешь, где мой сын? А где мои волки? Большие белые волки, ты знаешь, где они? – Очередной мальчишка выдернул руку.

- Я нормальная! – Крикнула я ему в спину, чувствуя себя дурой. – Я не сумасшедшая...

- Еще тише добавила я, пока не заметила, что из всей этой ребятни, только один смотрит на меня.

Он не сводил с меня глаз. Сидел на телеге и смотрел на меня в упор. Лет пять, не больше. Я ему улыбнулась, понимая, как, вероятно, выгляжу со стороны. Несколько дней, если не больше в лесу, босая, грязная. Я даже корзину свою потеряла. Стало не по себе. Я отвернулась от него, чтобы не напугать, единственного, кто не смотрел сквозь меня.

- Его здесь нет. – Раздался за моей спиной детский голос. – Ни твоего сына тут нет, ни волков... Даже тебя тут нет.

Я обернулась. На телеге вместо ребенка сидел старый ворон. Резко втянув воздух, так словно не дышала все это время, я закричала и распахнула глаза. Передо мной была крыша моего дома, а на мне кольчуга из гусиной кожи и ледяных мурашек от заливки до спины.

Меня мелко заколотило, захотелось снова закричать, но я сдержала себя. Хватит вести себя как сумасшедшая. Я сцепила зубы, и крик остался внутри меня. Вымотанная, так словно я все эти дни и правда не спала, я привела дыхание в порядок, немного успокоилась и откинула одеяло, собираясь встать. На чистой простыне лежали комья земли. Взгляд переполз на ноги. Босые грязные ноги, грудь снова сдавило ремнем и стало трудно дышать.

Глава 10

Закрыв лицо руками, я принялась его растирать, чувствуя, как мелко трясутся локти, а в груди словно металлические прутья ворочаются, то сжимая грудную клетку, то разжимая. Наконец, растерев лицо так, что оно нагрелось, я выбралась из кровати и, стараясь не наступать на чистый ковер, подошла к распахнутой настежь двери. На поляне лежал окровавленный, словно чем-то тонким и острым изрезанный волк. На светлой шкуре зияли черные пятна.

В голове зазвенело. Справившись с парализующим оцепенением, я дошла до волка и собираясь коснуться его, потянулась к нему рукой, взгляд зацепился за кисть, та была вся в крови. Все это было похоже на сон. Этим я себя утешала, потому что такое не может быть правдой.

Отдернув руку, я вскочила на ноги и развернувшись, побежала, сама не зная куда. Я просто бежала из этого ужаса, надеясь, что вот-вот проснусь, но вырваться в реальность все никак не удавалось, тогда я решила разогнаться так, чтобы пробиться сквозь пелену сна, через физическое напряжение иногда мне такое удавалось, но увы, не в этот раз.

Задышавшись, я неслась на всех парах, пока не выбилась из сил. Выдохнувшись я свалилась на колени возле ручья. Глотая воздух как воду, я запустила руку в ледяную воду, в надежде, что она поможет мне очнуться от кошмара, умылась, но, несмотря на то, что ледяная вода обжигала разгоряченную кожу, кошмарный сон не заканчивался.

Вернулось солнце, прорвавшись ненадолго сквозь стянувшиеся тучи. Нижняя губа против воли задрожала, в горле встал ком. Что это был за волк? Кто именно из них? Неужели это я натворила в очередном полубреду-полуяви? Но я не помнила ничего подобного! Поэтому это сделал кто-то другой! Но почему я не додумалась, проверить, что с волком, может быть, он еще жив? Я даже морды его не разглядела, сразу отшатнулась и бросилась бежать.

А если это все же я? Из глаз побежала очередная порция бесполезных слез. Меня накрыло истерикой, которую, я словно со стороны наблюдала. Что-то происходило со мной, и я не могла понять, что. Меня скручивало до спазмов и колотило, по лицу бежали слезы, но какая-то часть меня мыслила совершенно ясно. Я не могла убить волка. Я бы просто не сделала этого. Я еще никого тут не убила, мне еду волки приносили, уже дохлую.

Пытаясь привести себя в чувство, я снова начала умываться, в ушах бился пульс. Ничего не помогало, и я просто легла на живот, запустив руку в ручей, чувствуя, как ткань рукава напитывается ледяной влагой и подбирается выше, к груди. Осталась я, ощущение ледяного холода и мое дыхание.

Неприятный холод от липнущей мокрой тряпки, заземлял, и в какой-то момент сердечный бег замедлился, мне даже показалось, что я услышала, как где-то рядом всхрапнула лошадь. Потом она сделала это еще раз, и я предположила, что мне не показалось. В какой-то момент я ясно ощутила, что больше не одна, каждая клетка в моем теле встала дыбом.

Медленно, словно резкое движение приведет к катастрофе, я оторвала лоб от руки, которую я подложила под голову, чтобы не лежать лицом на песке, и едва заметно приподнявшись, скосила глаза вбок. Сквозь занавеску волос я разглядела копыта.

Ручей был холодный, но оказалось ужас холоднее. Ледяной валик страха, от ног до макушки, медленно покатился по телу. Мне кажется, такого страха я не испытывала никогда. Кто-то стоял рядом со мной на лошади. Надеюсь, это все же лошадиные копыта, а иначе я умру обосравшись.

Конь, это все же оказался он, всхрапнул и встал на дыбы. Перепугавшись, я отскочила в сторону, мокрые волосы налипли на лицо, но я все равно прекрасно видела сидящего на черном коне всадника.

Черный. Он был полностью черный, закованный в угольный доспех, с непроницаемой маской на лице, на которой были только две тонкие прорези для глаз. В них не видно было глаз, только густая, затягивающая в себя, как в зыбучие пески тьма. Он медленно наклонился в мою сторону, будто вглядываясь в меня, и я поняла, что нужно бежать. Точнее, я ничего не поняла, я просто дала стрекача, едва шею себе не свернув, потому что мои ноги соображали быстрее головы.

Он был похож на деметра, жаль я не Гарри Поттер и у меня нет волшебной палочки, я даже не Таня Гроттер, а то могла бы улететь на контрабасе, но приходилось лететь на своих двоих куда глаза глядят.

За спиной, сквозь шум дыхания, раздался мокрый перестук. Я поняла, что через несколько мгновений он догонит меня. Я не знала, что мне делать, потому что бежать тут было некуда, если я сверну влево, то попаду под копыта, а справа тянулись высокие терновые заросли.

Мне показалось, что я услышала звук вынимаемого из ножен лезвия, и, не сомневаясь больше ни секунды, нырнула в терновые кусты. Я была в таком ужасе, что боли от иголок размером с палец совершенно не ощущала, просто неслась вперед, закрывая руками лицо, пока спустя какое-то время, не споткнулась о бревно и не свалилась в какую-то кучу сваленных, горелых бревен.

Какое-то расстояние я проползла на заднице, смотря в ту сторону, из которой бежала и, боясь увидеть черного коня и его всадника, но сколько я не крутилась, елозя по пепелищу, никто не появлялся. Я еще какое-то время крутилась из стороны в сторону, глотая горький воздух и чувствуя вязкую слюну во рту, а потом сквозь свое шумное дыхание и стук колотящего сердца, начала прислушиваться, но сделать это было трудно, меня всю колотило и кроме самой себя и своего дыхания ничего услышать не выходило.

Наконец, я немного успокоилась, достаточно, чтобы понять, что ни единого звука кроме моего дыхания и стука сердца у меня в ушах и нет. Я как будто попала в мертвый безвоздушный вакуум, где была только я, а потом, вдруг неожиданно, мне показалось, что я сижу на дне могилы.

Я огляделась вокруг, никакой ямы, но у меня было четкое ощущение, что я в свежевырытой могиле, на самом дне и подо мной деревянная крышка гроба. Новая разновидность ужаса, медленная, наползающая на меня мокрым ледяным одеялом, обняла мои плечи. Я видела, что я окружена кустами, но я чувствовала, крышку гроба под собой. Мне было настолько страшно, что оцепенев, я не сразу решилась, посмотреть на то место, на котором стояли мои колени.

Когда я, наконец, решилась, то там не было никакой крышки, просто черный пепел, почему-то еще теплый, словно он только недавно отгорел, но этого не могло быть, потому что наврядли я так уж далеко отбежала от дома, я бы увидела пожар, но вопреки всему, земля подо мной была теплая. Я коснулась ближайшего бревна, то было еще горячим.

Я бы вскочила на ноги и бросилась бежать дальше через кусты, но дернувшись, я не смогла встать. Ноги отказали.

- Господи боже... - Я попыталась вытереть лицо руками, стереть слезы и поняла, что размазала что-то по лицу. Все руки были черными от сажи.

Вторая волна истерики медленно подступала к груди, сбивая и сдавливая дыхание, но вместе с ней, поднималась и злость.

- Как меня это все заебало! – Прорычала я сквозь слезы, обтирая лицо чистым рукавом.

Кое-как мне удалось подняться на ноги. Запах горелой плоти, становился все более навязчивым, хотя нигде даже дыма не было. Стоило о нем подумать, как он появился, словно я его у диджея заказала, начиная окутывать тот небольшой пяточек, который был окружен терновыми кустами.

Это был дом. Встав, наконец, на ноги и посмотрев на пепелище, я поняла, что это сгоревший дом. Черные обугленные бревна, были навалены друг на друга, что-то сгорело дотла, но не все, что-то вполне себе еще сохраняло целостную структуру. Господи, я свалилась в самый центр этого могильника. Почему-то я не сомневалась, что кто-то тут умер.

Остаться тут у меня не было никакого желания, но и бежать обратно тоже. Вдруг там этот черный черт. Встав на цыпочки, я попыталась увидеть, есть там кто-то за кустами, но моего роста было недостаточно, совсем чуть-чуть не хватало, чтобы увидеть что-то вдали.

Другого выхода не оставалось, но мне пришлось, взять одно из бревен, ставшее уже не просто теплым, а горячим и, подтянув его вбок, попытаться встать на него. Как только я его сдвинула, я увидела длинную черную прядь волос и золотую цепочку. Меня затошнило. Спазм сдавил желудок, и меня едва не вывернуло. Я отошла чуть в сторону, сгибаясь в три погибели и замечая, какая черная у меня юбка.

Наверное, одна только выдержка, которая металлической рукой покоилась где-то в глубине меня, не позволила мне свалиться в бесполезную истерику. Несмотря на все мракобесие, которое происходило со мной в лесу, в нем все же была логика. Все эти дни, я не ходила к вечному дереву, к мертвому озеру, потому что не хотела втягиваться в маховик прошлого и решила найти людей. Какие-нибудь деревни, чьи-то же дома мы обнесли с воронами, я хотела сбежать из этого леса, но вместо этого я блуждала во снах, в поисках выхода из леса и в поисках сына.

Меня все же стошнило. Когда меня перестало выворачивать наизнанку от запаха и ощущения, что тут кто-то помимо меня присутствует, я поняла, что я не выйду отсюда, пока не найду печать. Я осознала это ясно как белый день.

Меньше всего на свете, мне хотелось нырять в это пепелище, чтобы найти печать, но иного выбора не было. Слезы снова побежали по лицу, застилая глаза. Блевать было уже нечем и стараясь не оттягивать неизбежное в долгий ящик, я оттащила одно бревно, за ним еще одно и еще. По мере того как я ковырялась в этом могильнике, дым исчезал и запах тоже. Когда вся зареванная я, наконец, нащупала печать, не было ни дыма, ни запаха, тот больше стоял у меня в воспоминаниях своим мерзким отзвуком, а земля была остывшей и сырой, ко всему прочему пошел мелкий дождь.

Достав тяжеленную, в саже измазанную печать, я плюхнулась на землю и заревела в голос, чувствуя ее тяжесть на себе. На мой вой вдали раздался волчий вой, а вскоре послышался вороний крик. Я решила, что мне показалось, и продолжила реветь, но уже не так громко, а вскоре ко мне прилетела ворона и так истошно заорала, что я подскочила на ноги. Орала она, судя по всему не мне, а своим сородичам, которые начали слетаться со всех сторон ко мне и орать.

Еще никогда я не была так рада их всех видеть. Вся черная от сажи, лицо, скорее всего, тоже черное, я улыбалась им и хотела погладить, но обниматься, конечно, со мной никто не стал, все только носились вокруг и орали. Удивительно, но никто на меня не нагадил. Я заподозрила, что делают они это все же специально.

Стало немножко смешно и уже в целом не так тяжело. Нервно хихикая, я поднялась на ноги, я решила пробираться сквозь заросли на четвереньках, потому что пока ползала по сгоревшей избе, заметила, что понизу, колючек меньше, но пробираться на четвереньках не пришлось, потому что как только я встала, появился волк. Весь исцарапанный и в крови. При виде него, подступил ком в горле и я не знаю, когда у меня закончится слезный резерв, но я снова заревела.

Мой пациент продрался ко мне сквозь все эти колючки, сам весь исцарапанный, но живой. Я даже не сразу смогла забраться к нему на спину, потому что редела в голос и уворачивалась от его попыток облизать мое лицо и руки. Наконец, наревев уже столько слез, что хватило бы затушить пожар, я забралась к нему на спину, вместе с этой проклятой печатью, и

остаток дня мы пробирались сквозь заросли обратно, я, как могла, отодвигала от него кусты, а он, вздергивая морду вверх, шел словно белый волнорез сквозь море нашей общей боли, вынося меня из этого проклятого места.

Глава 11

- Мам... - Щеки коснулась теплая ладонь с запахом пластилина. – Барсика стошнило на папин портфель. – Громко прошептал мне на ухо сын.

Стало смешно, и от его дыхания немного щекотно.

- Барсик не любит папу. – Продолжал делиться секретами сын. – Не дает гладиться и бабушку тоже больше не любит. Он, наверное, тоже по тебе скучает.

Сын всхлипнул и прижался ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.